

оксана

бухова

Женский детектив

ФАЛЬШИВАЯ УБИЙЦА

Прежде чем девушка достала
пистолет, я поняла: она ждала,
пока я и Артем встанем рядом.
На линии огня.

18+

Оксана Обухова
Фальшивая убийца

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Обухова О.

Фальшивая убийца / О. Обухова — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Алиса Ковалева с детства мечтала написать роман о богатых и знаменитых и, конечно, прославиться. Родной городок не сулил подобных перспектив, потому она не раздумывая отправилась в Москву, где уже обосновался школьный друг Вася Бурмистров. Его мама быстро заподозрила бойкую провинциалку в брачных намерениях. Пытаясь пресечь опасную для сына дружбу, она помогла девушке в организации эксклюзивного интервью с успешной бизнес-леди Ириной Вяземской. Но неплохой шанс устроить карьеру обернулся для Алисы жестокой, смертельно опасной игрой. Обложку оформил И. А. Озеров.

Содержание

Холоднокровный город	5
Близкое знакомство	11
Второй кусочек хлеба	14
Непонятный дом	18
Непонятные люди	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Холоднокровный город

Любовь к столице развивалась по всем правилам романа по переписке. Далекая и яркая, она дразнила фотографиями, прельщала кинохроникой, увлекала редкими экскурсиями. Столица уподобилась звезде шоу-бизнеса с рекламного билборда – улыбка, поза, притягивающий магнитом взгляд; развратила неопытную душу коварными, невыполнимыми обещаниями.

Как жадная пчела в розетку с медом, собранным другими трудолюбивыми пчелами, я влипла в Москву всеми лапами. Завязла в патоке тротуаров, ослепла от огней, утопила острое провинциальное жало в тягучем равнодушии мегаполиса.

Москва погрузила в золотистый плен очередную жертву и оставила в *себе*, не позволяя ей подняться наверх или – упаси боже! – опуститься на самое дно.

Ласкающая душу аллегория: пчела и мед. Но в русском языке хватает и других сравнений. Например, о фекалиях в проруби. Крошечным кусочком «непонятно чего» я болталась в ограниченном льдом пространстве и надеялась вмерзнуть намертво в границы Садового кольца (или хотя бы МКАД).

...Н-да. Прав был мой папа. Заочная любовь творит чудеса и позволяет даже о фекалиях писать красиво.

– Нельзя жить по книжкам в ярких обложках! – вещал папа. – Грезы и раздутое само мнение – вот причина бесконечно рождающихся и разрушающихся иллюзий!

Что и говорить, увесисто вещать мой папа умел. Не хуже меня. А пожалуй, и лучше. Вечное противостояние отцов и детей обрело в нашей неполной семье специфические формы и превратилось в спор физика и лирика в полном смысле этого выражения. Батюшка преподавал в школе физику и неразумную дочь после окончания школы сопровождал под белы руки до двери приемной комиссии университета, приказал учиться на преподавателя словесности.

Но дверь за батюшкой закрылась. И дочь перекинула документы с одного отделения – благо факультет был один – на другое. С благородного учительского поприща дочь предательски ушла во вражеский стан. Отринув семейные ценности, бросалась в журналистику.

Журналистов мой папа на дух не выносил:

– Нет такой профессии – совать нос в чужие дела!

– Общество имеет право знать не только о своих достижениях, но и пороках! Правда многогранна! Журналист не только обличитель, он еще и лекарь общества!

– Вот и шла бы в медицинский! Спасала бы людей искусством врачевания, а не обличительством!

– Не все можно вылечить лекарствами! Души надо воспитывать правдой!

– Оставь души церкви! Не касайся святого!

– Папулечка, – впадая в пафос, отбивалась я. – Создатель наградил твою дочь единственным талантом – свободно и доступно излагать собственные мысли на бумаге! Собственные, понимаешь, *свои*!! Не вдалбливать в пустые головы чужие мысли из чужих книг, а излагать свои! Это ли не достойное поприще?!

– Самозванка! Мысль надо родить в муках, прежде чем излагать!!

Словесные баталии ежевечерне сотрясали наш дом. Папа подтягивал войска из учительского батальона: сегодня это был преподаватель математики, завтра учитель физкультуры, наносила визит историчка – многомудрые коллеги отца приязненно улыбались, а я бомбардировала их редуты бумажными снарядами – оперировала газетными вырезками:

– Вот! Смотрите! «Взяточники в погонах». Кто раскопал?! Мы! Журналисты! Или зачитываю строчку: «Стариков избивают в интернете». Откуда бы об этом вопиющем факте узнала общественность?!

– Общественность надо учи-и-и-ть!! – подвывал батюшка. – Вскрыть нарыв каждый дурак умеет!! Обществу нужны *наставники*, учителя, а не те, кто в гнойники пальцем тычет!! – Он вздыхал с надрывом. – Мне жаль, Алиса, что ты избрала для себя легкий путь служения. Легкий и, прости, с душком. Любовь к запахам грязного белья не может быть профессиональной необходимостью. Это состояние души.

К концу первого семестра войска отошли на зимние квартиры. Я метко обстреляла их редуты залпом из пятерок, маркитантки из университетской бухгалтерии подоспели с тележкой, груженной повышенной стипендией. Позже подтвердила этот результат на летней сессии, и батюшка вынужден был выкинуть белый флаг. Я милостиво приняла парламентаров – математика и историчку с контрибуционным тортом, – но капитуляция тем не менее не была безоговорочной.

– Время покажет, – пророчил физик лирику.

Еще четыре года я браво маршировала под знаменем «Служение Отечеству и Правде», легко катила груженую маркитантскую тележку, проводила небезуспешные вылазки в редакции местных газет и качественно бомбила статьями в «Студенческом вестнике» прогульщиков, взяточдателей и сантехников, доводящих сортиры общежития до состояния замерзших переправ.

В общем, старалась. Быть заметной и узнаваемой. Редкие победы над ректоратом и хозяйствами висели на груди, как славные медали, в спину постреливали завистники из штрафбата двоечников, впереди маячило маршалское звание, подтвержденное отпечатанной в государственной типографии пламенно-красной корочкой.

Папа начинал гордиться. (В основном пятерками.)

Отрезвление наступило через полгода после окончания университета.

Ретивых девочек с медалями и красными дипломами в редакциях называют выскочками. Маниакальными правдоискательницами.

Оказалось, что пыл начал угасать.

Желание трудиться в коллективе, воюющем за заказные – хвалебно-лживые, торгово-хлебно-комиссионные – статьи, пропало вместе с юношескими прыщами и максимализмом той же возрастной группы. Мысли на бумаге излагались вяло, вхождение во взрослую жизнь оказалось тяжелейшей осадной войной: бронтозавры от журналистики цепко держались за свои портфели. Молодежь предпочитала позиционно-кулуарную партизанскую тактику и огрызалась статьями по бытовой тематике. Право писать о важном принадлежало динозаврам. И их любовницам.

А не выскочкам.

И вот однажды был день. И было слово:

– Папа. Я хочу уехать. Если стучаться лбом в запертое сознание, лучше это делать не здесь.

Я повышаю ставку на синяки – еду в Москву.

Уж если падать, то с колокольни. А не с крыльца нашей редакции в лужу.

Удивительный факт, но протестовать батюшка не стал. Принес из своей комнаты заветную палехскую коробочку – 8 сантиметров на 17, по крышке мчится тройка с разудалым ямщиком – и достал оттуда кровные:

– Вот. Бери. На первое время хватит.

Я ласково всплакнула на родительском плече и выслушала наставления:

– Береги себя, доченька. Синяки проходят, постарайся не набить новых шишек! – И в черней лошадь отбыла в столицу. Собранный чемодан уже неделю стоял в моей комнате.

Я только сняла со стены любимую фотографию мамы – Крым девять лет назад, за год до ее смерти, – и бережно упаковала между джинсами и кофточками.

Столица встретила дождем и вокзальной толчеей. Встреча с городом-обманщиком мало напоминала свидание двух влюбленных, хотя все подготовительные атрибуты волнующего ожидания были. Бессонная ночь под перестук колес – была. Встреча утра туманного у окна вагона – была. Был даже торжественно нанесенный утренний макияж.

Не осталось только *предвкушения*. Оно исчезло, раздавленное огромностью вокзала.

Верткие командировочные и уверенные надменные аборигены толкали в спину, я прихорючилась к их маршу, встала в плечо и к концу перрона подошла уже почти *москвичкой*. Обтертой, обтесанной, обшарканной толпой, не замечающей ее. Подтаскивая сзади чемодан на колесиках, я шла в объятия Бармалея.

Бурмистров Вася – Бармалей – дворово-школьный друг – стоял в конце перрона и в руке держал отнюдь не букет гвоздик – газету. В этом не было символизма. Выполняя мою просьбу, друг приобрел газету с вариантами по найму жилья.

Прибывшая толпа натыкалась на Бармалея, создавала буруны, а мой друг стоял недвижимо, как славный волжский утес. Толпа утекала дальше, собиралась в потоки, несущиеся к метро и переходам. Рослый Васька процеживал глазами гостей и жителей столицы, искал в их волнах почти затопленную макушку, выкрашенную в нежный золотистый цвет. С высоты метра девяноста двух процеживать толпу, вылавливая девичьи макушки, было удобно, но встретились мы все же глазами. Из-за спин и зонтов Василий углядел меня, махнул газетой и, придерживая руку над головами, поплыл в потоке встречным курсом.

– Али-и-и-иса!! – взревел дружище и подхватил меня под мышку.

Я чемодан из рук не выпустила. Как выброшенный якорь, он ударил Ваську по ногам и едва не утопил шлюпку с нашей обнимающейся парочкой в бурлящем потоке.

Но уронить Василия не просто. Он покрутил меня немного в воздухе, потом поставил на перрон и по-отечески поправил задравшийся от горячих объятий пиджак:

– Привет. Ты изменилась. Похудела.

(Папа считал, что я похорошела и повзрослела за те полгода, которые Вася не приезжал в родимый город. Но объяснять существенную разницу не стала. Как все мужчины, Вася тугодум, позже разберется сам.)

Василий вынул из моих пальцев ручку чемодана, вытянул ее на всю длину под свой рост, и дальнейший разговор повел уже по дороге к метро:

– В агентства по найму пойдем завтра. Сегодня переночуешь у меня, ходим куда-нибудь, оттянемся... Как папа, как наши?

– Папа в порядке, наших почти не вижу.

– Как он тебя отпустил? С боем?

– Нет, – протискиваясь к турникету, сказала я. – Папу обхаживает историчка, думаю, особенно скучно ему не будет...

– Тамара Сергеевна?! Историчка?!

– Ну да. Они давно роман крутят, надеются, что я слепая. И глухая в придачу.

– Чего только не бывает в жизни?! – восхитился мой высокорослый друг, я глубокомысленно посмотрела на его чисто выбритый подбородок, но вылезать с комментариями не стала.

Я уже давно научилась не удивляться простодушию этого двадцатитрехлетнего верзилы. Предполагать, что импозантный седовласый мужчина возраста «бес в ребро» останется без употребления в дамском коллективе – верх наивности! Папулю физика-вдовца уже лет шесть окучивали то историчка, то химичка, то психолог Ирина Викторовна! Он – первый парень на деревне, опора и любовь всего школьного колхоза!

Но объяснять сии нюансы Васе – пустая трата времени. В двух словах не скажешь, поскольку, невзирая на квадратные плечи штангиста, мой Вася – типичный «ботаник». Доморощенный компьютерный гений, гроза «мышей» и друг клавиатуры. Ему первому из нашего класса купили компьютер. Василий быстро с ним освоился – в чем-то укротил – и к выпускному классу подошел уже вполне оформившимся программистом. Учитель информатики уважительно на зывал Васю «коллегой», советовался по неким специальным вопросам и даже попыток не делал срезать вдумчивого «гения» каверзным вопросом.

Во всем, что касалось техники и электроники, Вася был непререкаемым авторитетом. Вне компьютерной жизни Бармалей казался младенцем. Мне не раз удавалось поразить его разум пересказом глупейшей статьи из глянцевого журнала и набором штампованных фраз, заимствованных оттуда же. Моя способность к моментальному заучиванию стихов повергала Васю едва ли не в священный трепет. Сам Вася читать стихи, писать сочинения и выискивать собственные орфографические ошибки был совершенно неспособен. Мы девять лет сидели за одной партией, и не раз случалось, что за сорок пять минут я успевала написать два сочинения – за себя и за друга, – проверить два диктанта и подсказать незаученные стихи.

Во всем, что не касалось точных наук, я опекала Бармалея со второго класса. Заботливо подставляла плечо на экзаменах с гуманитарным уклоном и постепенно в нашем тандеме сложился негласный порядок: Алиса – дембель-взводный-старшина, Вася безропотно таскает два портфеля, распахивает очередь в буфете и чинит Алисины телефон-телевизор-компьютер-швейную машинку.

В нежном пубертатном возрасте я принимала эти знаки внимания как должное. Созрев морально и физически, задумалась. И поняла. Человек, в чьем сердце Бог зажег искру таланта, к чужим способностям относится уважительно. Нормальные гении лишены нормальных человеческих пороков: пустословия и зависти, меркантильности и суетности. Гений монолитен и основателен, он мерит жизнь по собственным меркам и к полутонам относится как к сбою в компьютерной программе. Размытые книжные формулировки слов порою ставили Васю в тупик. Бармалей не выносил слов «предположительно» и «если», он добивался конкретики – временами откровенно тупо – и говорил примерно так:

– Алиса, что ты мне ввинчиваешь? Раскольников – дерьмо! При чем тут одиночество, спор Ангела и Беса?!

– Вася, Раскольников – раскаялся? – менторским тоном вопрошала я. – Весь роман – это мучительный поиск *смысла*...

– Смысла?! – перебивал Вася. – Предлага ешь каждому подонку убить по старушке и найти истину?!

Ходить в кино на мелодрамы, боевики и детективы с Васей было совершеннейшей мукой.

– Такого быть не может, – резал Бармалей. – Почему эта дура оставила пистолет и пошла проверять, кто шумит в гараже? Она весь день с собой ствол таскала – из сортира в ванную, из ванной на кухню, а как шум услышала – положила на полочку. Где голова у сценариста?

– Вася-а-а-а, – причитала я. – Возьми блондинка пистолет, не было бы *сюжета*!

– А этот? В синем пиджаке. Он что, не догадался сразу позвонить в полицию? Ждал, пока убивать придут?

Комедии Вася не любил категорически. Хотя и обладал своеобразным, на мой взгляд, чувством юмора.

– Смеяться над упавшим человеком грешно.

Поскольку ему больно. И обидно. А наблюдать за злоключениями порядочного человека, попавшего в дикую ситуацию, вообще извращение.

В этих высказываниях – весь Вася Бармалей. Смеяться над унижениями гадко, переживать за дураков и драчунов глупо. В кино мы ходили только на фильмы по фантастической тематике.

– Здесь все честно, – устраиваясь в кресле перед широкоформатным экраном, объяснял Вася. – На афише, – или на обложке книги, если речь шла о романе, – написано «фантастика». То есть выдумка. Меня предупредили: не жди адекватности. Я расслабляюсь и получаю удовольствие.

За шесть лет учебы и последующей работы в столице Вася заматерел внешне, но внутренне остался тем же «ботаником». Наивным, восторженным и готовым подчиняться. (Надеюсь, только мне. Так как найдись любая другая девушка, ловко читающая по памяти Пастернака и Бодлера, Вася пойдет за ней, как телок, неизвестно куда, чисто рефлекторно – она похожа на Алису.)

Первым делом, попав в Бармалееву квартиру, я нанесла визит в ванную комнату. Помыть руки и полюбоваться прозрачным стаканчиком с единственной зубной щеткой. Полюбовалась и тут же успокоилась – мой духовно девственный друг мамзелью не обзавелся.

А даже если обзавелся, с головою не нырнул. Поскольку любая девица рядом с таким Васей моментально почувствует себя хозяйкой и заполнит свободное пространство: колготками на батарее, лаком для волос у зеркала, обезжиренным йогуртом в холодильнике (или тортиком, по выбору фигуры), вторым баннным халатом на вешалке в ванной, тапочками тридцать восьмого размера возле тумбы в прихожей.

Одинокая зубная щетка в стаканчике просто вопила о Васиной запущенности. Нормальная девица, переночевав в этой квартире хотя бы два раза, на второе утро выбросила бы в мусорное ведро измочаленный предмет, на зубную щетку несколько не похожий.

... Когда я вышла из ванной комнаты, увидела перед дверью Васю с пушистыми розовыми тапочками в руках.

– Вот, – сказал друг смущенно. – Тебе купил.

– Мерси. – Я покосилась на тапочки тридцать восьмого размера у тумбы. – А это чьи?

– Мамины, – коротко ответил друг.

Васину маму Татьяну Васильевну я знала прекрасно.

Суровая дама.

Первые четыре года пребывания в столице Вася жил у ее стародавней институтской подруги, хотя эти двухкомнатные апартаменты уже тогда стояли в евроремонте и в мебели с той же приставкой «евро». Татьяна Васильевна полагала, что сын без твердой женской руки, держащей кошелек и поварешку, пропадет в пучине мегаполиса. Останется голодным, брошенным и грязным, попадет под дурное влияние, научится пить водку под соленый огурец и кильку в томатном соусе. Начнет курить марихуану и увлечется падшими женщинами.

Я с Татьяной Васильевной в принципе была согласна. Не по всем пунктам, разумеется, но относительно «голодным» и «брошенным» поддерживала на все сто. Работая за компьютером, Вася мог сутками грызть засохшие батоны и запивать их водою из-под крана. Несколько раз, уезжая на курорты, Татьяна Васильевна приходила к нам домой, оставляла пачечку купюр и слезно умоляла:

– Алиса, пожалуйста, ходи в магазины. А то ведь с голоду умрет...

Я мудро покупала Ваське конфеты и мороженое – их он точно съесть не забудет, и для мозгов полезно, – супы и котлеты носила в баночках из собственной кухни. Остальное мы с Васькой славно прогуливали в кино и на аттракционах...

Окружающие понимали нашу дружбу вполне адекватно и не раз принимали за брата и сестру. У Васиных родителей я пользовалась полным доверием: серьезная отличница с двумя косицами, учительская дочь и вообще особа крайне положительная. Помню, как сколько-то лет назад, узнав о дружбе сына с девочкой, Татьяна Васильевна нанесла визит в наш дом. Картина до сих пор стоит перед глазами: высокорослая поджарая дама в каракулевом манто с опаской перешагивает порог. Она только что прошла через подъезд нашего старенького дома. Подъезд пах алкашами, трудновоспитуемыми подростками, расписавшимися на каждом куске не отва-

лившейся еще штукатурки, и гражданами, перепутавшими подъезд с общественным туалетом. Еще там пахло кошками, но это уже было несущественно.

Дама вошла в прихожую, оглянулась и улыбнулась: в нашей прихожей тесновато. Свободные места на стене и в углу занимают книжные шкафы и полки. Папа с трудом протиснулся, чтобы помочь госте избавиться от шубы, провел ее в гостиную.

В квартире был легкий бардачок. Но не из-за пыли или разбросанной одежды. Везде стояли, лежали, валялись книги, журналы и газеты. Квартира просто вопила о честной интеллигентской бедности. Мама смущалась, поила гостью чаем с сушками, папа (в том же смущении) трепал густую гриву с проседью...

Дружбу отпрыска с девочкой из дома на соседней улице признали достойной. Обилие книг и периодики произвело на директрису мебельного магазина благоприятное впечатление.

Хотя... Не знаю, что там о себе думала Татьяна Васильевна, а мама относилась к ее манерам и манто с легкой иронией...

Правда, баночки с котлетами и супом для оставленного без пригляду отпрыска, несмотря на это, всегда с любовью оборачивала в два слоя газетной бумаги – дабы не остыли. Василия моя мамочка любила совершенно искренне. Его невозможно не любить. Огромный плюшевый медведь с шоколадными пуговицами глаз и улыбкой первоклассника.

Да и подкармливала я Васю совсем недолго. В выпускных классах за Васей уже приглядывала домработница. Родитель Бармалея как-то внезапно разбогател, построил дом за городом и перевез семью из городской квартиры в загородный особняк. Вася стал по меркам нашего провинциального городка завидным женихом. С дипломом лучшего столичного университета, московской пропиской и папой – владельцем полутора заводов. (Один заводик Дмитрий Викторович имел в единоличной собственности, второй содержал на паях с приятелем.) Мебельная мама построила себе фабричку по производству «итальянских гарнитуров» и тоже несла в дом копейку.

Василий относился к родительскому богатству с поразительным невниманием. Категорически отверг предложения поступать на экономическо-юридические факультеты и остался тем, кем был, – милым медведем с компьютерным уклоном.

Близкое знакомство

Первые дни в Москве были похожи на тайное свидание. Теплый город конца мая отвечал взаимностью; гуляя по московским улицам, я не столько занималась поисками работы, сколько наслаждалась – прикосновением к столице. К площадям и переулкам, к гранитным набережным и церквям, похожим на пряничные домики, к фонтанам и зеленым паркам. Любимым местом стали окрестности Третьяковской галереи...

Июнь был робкой попыткой получить ответное признание.

Но меня отвергли. Пока не город. В славных московских газетах принимали резюме и сухо обещали: мы с вами свяжемся. Если что.

В июле я понизила планку и довольно легко нашла работу в газете, где рекламы было больше, чем основного материала.

Вспоминать об этом четырехмесячном этапе своей жизни не хочется. Коллектив был отличный, шумный, дерзкий. Шеф оказался душой этого коллектива. Кроме меня, в штате значился еще один дипломированный журналист. Мы с Костей беспардонно расхваливали районный муниципалитет – точнее сказать, правили их же хвалебные статьи о себе любимых – и пописывали о ветеранах труда, воробьях в парке, о том, как лучше выращивать комнатные цветы при недостатке освещения. Материалы о цветах, поклейке обоев, чистке подгоревших утюгов и прочих бытовых неприятностях щедро черпали из Интернета.

Не работа – синекура.

Вспоминать не хочется и стыдно.

В конце сентября газетку прикрыли. Милый шеф запутался в долгах, кинул какого-то администратора с рекламным откатом, и в награду за эти доблести наш скромный офис посетила налоговая полиция.

Я вновь пошла по кругу – обивать пороги славных издательств. И в конце сентября в остывшем городе почувствовала себя чем-то вроде окончательно надоевшей любовницы. Резюме не вызывали интереса, город скучнел и предлагал роман на своих условиях. Я казалась себе отвергнутой любовницей, которую настойчиво заставляют перебраться из алькова на кухню мыть тарелки, подметать пол и вытаскивать на задний двор чан с обедками.

В моих услугах *не нуждались*. Москва искала взаимности от верстальщиков и корректоров, сурово приветствовала штукатуров и каменщиков, лукаво приглашала опытных рекламных менеджеров, журналистам столица предлагала заработать кусочек хлеба самостоятельно.

Первый вольный кусочек хлебushка подкинул Бармалей. Помог нацарапать узкоспециальную статью и поразить познаниями редактора журнала для хакеров.

Шулерские Васины приемы произвели на сего господина столь ошеломляющее впечатление, что, отложив в сторонку уже прочитанную и исправленную статью, он вознамерился тут же предложить мне место в штате.

Но прежде чем приступить к вопросу о трудоустройстве, задал вопрос уточняющего свойства:

– Вот вы тут писали о недостатках в программе...

Далее последовала фраза на тарабарском языке, я стыдливо опустила глазки и предпочла откланяться.

Безусловно, к подобным уточнениям Вася меня готовил. Обещал за месяц натаскать в сокращениях и специальном сленге, но все умные слова моментально вылетели из моей гуманитарной головы при первом залпе трескучей тарабарщины. Я наврала, что не заинтересована в дальнейшем сотрудничестве, и вылетела из редакции, как ведьма на метле.

Это было фиаско. Или, говоря по-русски, первый блин комом.

Город из прохладного становился холодным. Засыпал тротуары снегом. Шубка из китайского кролика, крашенного под шиншиллу, перестала греть. Эту фальшивую шиншиллу я опрометчиво купила за два дня до налета налоговой полиции на офис совсем не славной газетенки. И в жутком, снежном ноябре осталась практически без денег. У меня не было средств продлить наем комнатенки в коммуналке, я оказалась на улице – без работы, без копейки, замерзшая, но гордая.

Бармалей утешал тем, что вполне способен прокормить нас обоих, но я строптиво задирала нос и обещала пойти хоть в посудомойки, хоть в дворники, но заработать на бутерброд с маргарином и ту же комнатенку. Ошметки провинциальной гордости еще висели на мне, прикрытые фальшивой шубой, и жить в одной квартире с верным другом – папа узнает, убьет! – я спесиво отказалась.

В конце ноября практически из зала ожидания Ленинградского вокзала Вася перевез меня и чемодан в свою холостяцкую берлогу.

Гордость замерзла вместе с городом.

Пушистые розовые шлепанцы ждали меня в прихожей возле обувной тумбы. На диване в гостиной лежала стопочка нового постельного белья и банное полотенце.

Первого декабря к Васе приехала мама.

Открыла дверь своим ключом, сняла абсолютно настоящую норковую шубу и спросила, показывая на дверь ванной комнаты:

– А там – кто?

В ванной была Алиса. С банным полотенцем на мокрых волосах и в Васиной рубашке на голое тело. Стояла за дверью и не знала, как выйти, как показаться на глаза, как оправдать свое полуголое присутствие.

Скандал был страшным. Васина рубашка *почти* прикрывала колени, тем не менее мой вид произвел на мебельную маму впечатление, подобное тому, которое получает старая дева при виде порнографической открытки.

Шок, выпученные глаза и страстные обвинения едва ли не в кровосмесительной связи.

– Мама!! – шипел Бармалей, уводя Татьяну Васильевну для приватной беседы на кухню. – У Алисы тяжелые времена! Она мой друг и нуждается в помощи!

– Знаю я, чем эта *помощь* оборачивается! Пузом!

Шептаться Татьяна Васильевна явно не умела. Или не собиралась. Она орала на сына, не подбирая выражений.

Я суматошно запихивала в чемодан пожитки и, прежде чем надеть шапку, подсушить волосы да же не мечтала. Я мечтала унести из этой квартиры опозорившиеся ноги еще до того, как Вася за кон чит кухонные прения и выпустит маму наружу.

Из кухни доносились выкрики:

– А как же Оленька?! Я думала, у вас... ты с ней... А ты?!?!

Оленька Привалова. Прыщавая дылда-одноклассница, тупая, как объевшаяся корова, и скучная, как плешь. Скольких денег стоило ее родителям выучить эту бестолочь в московском институте, история умалчивает. Но, как и Вася Бурмистров, Оленька считалась *хорошей* партией. Ее отец был деловым партнером Дмитрия Викторовича, мама – лучшей подружкой Татьяны Васильевны.

– При чем здесь Ольга?! – подвывал на кухне Бармалей. – Перестань вмешиваться в мою личную жизнь!!

– *Это?!* Это ты называешь личной жизнью?!

Алиса Ковалева никогда не считалась хорошей партией. Дочь казенного учителя, задавака, старшина в юбке. Пока я помогла сынуле в учебе – попробовала бы Оля накатать два сочинения за сорок пять минут! – меня любезно принимали в доме. Потом Бурмистровы отвезли

сынулю в Первопрестольную (вместе с Ольгой) и вознамерились объединить чада (надеясь, что от скуки и Оля покажется девицей).

Шибко богатая Оленька, по словам Бармалея, жила неподалеку – в этом виделся далеко не перст судьбы, – и иногда молодежь делала совместные вылазки в кабаки и театры.

Но никакой интрижкой не пахло. И пока Бармалею, делающему подобные заявления, я верила больше, чем его маме.

– Мама, перестань кричать и веди себя прилично!!

– Ты мне... ты мне рот затыкаешь?!?!

Из кухни донесся звон разбитой посуды, под этот аккомпанемент я открыла дверь и перешла порог, как Рубикон. Сбежать тайком под эти крики – значит признать себя провинившейся. Татьяна Васильевна лишь утвердится в собственной правоте и не позволит Бармалею оправдаться.

Моя мама никогда не позволяла себе повышать голос. Берегла достоинство. И на хамство отвечала таким морозящим спокойствием, что у любого крикуна язык моментально примерзал к гортани и пропадало всяческое желание изобретать обидные эпитеты. В присутствии сосредоточенной на внутреннем достоинстве мамы даже темпераментный спорщик – папа умирал пыл и с громогласных восклицаний переходил на шепот.

«Никогда не уподобляйся базарной торговке, – говорила мама. – Гром словесный сотрясает воздух. За шумом пропадает смысл. Теряется. Настоящее *слово* ценно само по себе, не оформляй его эффектами. Иначе собеседник не услышит главного».

На шикарнейшей Бармалеевой кухне – стиль хай-тек, стекло и хром – шла примитивная базарная разборка. Татьяна Васильевна смахнула со стола чашку – возможно, случайно, – Вася бычил шею и страшно пучил глаза.

(Хвала Создателю, Дмитрий Викторович на огонек не заглянул! Не знаю, как обычно проходят семейные сцены у Бурмистровых, но сильно не удивлюсь, если батюшка позволяет себе тумачить навешать отпрыску. Был бы повод.)

– До свидания, Татьяна Васильевна, – невозмутимо выговорила я. – Извините, что до ставила неприятности своим присутствием. До свидания, Василий. Спасибо за приют, – гордо повернулась я спиной и, уходя, добавила: – Все го хорошего.

Моя невозмутимость – Бог свидетель, только видимая! – обрушилась на Татьяну Васильевну, как падает на раскаленную сковороду кусок льда. Мебельная мама с шипением выпустила воздух сквозь зубы и сделала попытку адаптировать мой лед с достоинством: откинула царственным жестом со лба налипшие волосы и остановила устремившегося в прихожую сына повелительным окриком:

– Василий, вернись!

Бармалей сделал вид, что не услышал. В тот момент он вырывал из моих пальцев ручку чемодана.

– Алиса, – почти спокойно сказала Татьяна

Васильевна, – останься. Нам надо поговорить.

Второй кусочек хлеба

Узкое, похожее на заточенный стилет здание из стекла и гранита возвышалось над кружевными домиками старой Москвы восклицательным знаком. Символом утверждения власти нового стиля, апофеозом достижения заоблачных высот, бескомпромиссным известием о наступлении иных времен, надгробной стелой...

Отвлекаясь от приступов панической неуверенности, я изобретала эпитеты, способные передать ощущения неопита, входящего во храм служителей *Золотого Тельца*.

«Стекла фасада кажутся застывшими нефтяными лужицами... Любой входящий и выходящий из сего чертога имеет на лице печать *причастности*...»

Фу. Провинциально, напыщенно и глупо.

Но от прочей трусливой бестолочи в голове и трясущихся коленок отвлекает.

Я храбро шагнула под своды языческого храма и нос к носу столкнулась с мужиком, несущим на физиономии отнюдь не «причастность», а совершенно узнаваемые фирменные признаки кабацкого вышибалы.

Вышибала мгновенно оценил – до рубля – каждую шерстинку кролика-шиншиллы, начищенные, но «прошлогодние» даже по провинциальным меркам сапоги, моментально привесил мне ярлык-ценник и собрал физиономию в гримасу: «Ты куда? Детка...»

Я уверенно вздернула подбородок и произнесла вслух магический пароль, код доступа: – К госпоже Вяземской. Мне заказан пропуск.

В лице охранника что-то неуловимо изменилось...

ТЬфу! Да не изменилось в нем ничего! Вышибала дернул бровью, указывая направление к бюро пропусков, и снова заскучал. Фальшивые шиншиллы даже на подозреваемых в терроризме не тянут. Максимум – в чертог всеми правдами и неправдами пробралась очередная просительница от лица сиротского приюта.

Я отошла в сторону, встала за спиной вышибалы и, почувствовав на себе взгляд второго охранника, застывшего у конторки, полезла в сумочку за паспортом.

Двери лифта за турникетом в охраняемом периметре разъехались, и в холл вышла невысокая худощавая дама с короткой прической на волосах платинового цвета.

Вяземская. Не узнать ее было невозможно. Готовясь к встрече, я изучила всю доступную по Интернету информацию об одной из самых богатых женщин ледяного города. (Список вопросов не просто набросала, вызубрила основные даты и числа, что было не лишним после памятного скандала с «розовой кофточкой», умудрившейся пересчитать все шлягеры звезды.)

Вяземская стремительно зашагала к турникету, я засуетилась – забросила сумку на плечо, потом полезла за ней вновь, разыскивая блокнот и диктофон, – вышибала (с оценочными способностями приемщика из скупки) оглянулся и показал лицом, что ему очень не нравятся мои манипуляции с сумкой. Кажется, заподозрил-таки во мне террористку, подгадавшую выход персоны из лифта и ловко не дошедшую до турникета с металлоискателем. Теперь он подозревал, что я собираюсь взорваться в холле храма *Золотого Тельца*...

Я подняла вверх ладонь с зажатым диктофоном – мол, понимаю, понимаю, протокол не нарушу – и двинулась наперерез Вяземской.

Но раньше меня Ирину Владимировну перехватил кривоногий коротышка с манерами коробейника, выскочивший из недр святилища с кожаной папкой под мышкой. Он липко оплел пальцами локоть Вяземской и шустро зашевелил губами.

Вяземская нахмурилась, замедлила шаг и, пройдя арку металлоискателя, остановилась у стойки охраны, внимая шепоту лукавого коробейника.

Мне ничего не оставалось, как встать чуть сбоку от парочки и слегка перегородить дорогу, стараясь поймать взгляд невысокой хмурой дамы. Напомнить о себе и об условленном свидании, которое выбила для меня – в качестве отступного – Бармалеева мама. Когда-то давно она училась вместе с личным секретарем Ирины Владимировны и теперь впервые обратилась к старой приятельнице с просьбой: устроить протеже-журналистке интервью с леди-боссом.

«После этого интервью тебя возьмут в любую газету, – пряча недовольные глаза, пророчила Татьяна Васильевна. – Журналистов к Вяземской на пушечный выстрел не подпускают, она вашего брата не жалует, так что карт-бланш я тебе обеспечу».

«Остальное не моя забота», – читалось в тех же глазах.

За это интервью я готова была заложить душу в ломбард. (Поскольку других ценностей не осталось.) И потому взятку в виде двух тысяч долларов приняла уже без всякого намека на брезгливость. Татьяна Васильевна откупалась от неуютной подруги сына и деньги мне буквально впихивала. «Снимешь квартиру... или комнату – отстанешь от моего сына, читалось в подстрочнике. – Если сумеешь понравиться Вяземской, Томочка договорится с ней о фотосессии в ее доме, или как там это у вас называется... В общем, вперед. Дерзай».

И выставила меня за порог Васиного дома.

Бармалей отвез меня с чемоданом до дома моей троюродной сестры, жившей в коммуналке с двумя детьми и мужем, попытался уговорить на гостиницу или возвращение к нему после отъезда мамы... но я стояла твердо. Взятку в виде интервью у самой закрытой женщины города за просто так не раздают. Условия негласного договора – мой сын в обмен на бизнес-леди – я собиралась выполнить.

Вяземская недовольно собирала брови к переносице, коротышка лопотал все быстрее и вкрадчивее, я переминалась с ноги на ногу и никак не могла расставить приоритеты в должном порядке. Быть терпеливой или наглой? Брать бастион нахрапом или уходить в осаду? Получать пропуск, подниматься наверх к приемной Вяземской и выслушивать очевидный ответ: «Ирина Владимировна занята, интервью переносится на другое время» – или попытаться самолично напомнить о нем Ирине Владимировне?

Решить я так и не успела. Ирина Владимировна, устав, видимо, от гипнотического лопотания кривоногого субъекта, метнула взгляд в сторону и встретила со мной глазами.

Я вытянула мордочку, приоткрыла рот в немой мольбе, и Вяземская рассеянно кивнула, скорее всего перепутав интервьюера с кем-то из персонала.

– Да, да, Родион Константинович, да, да, – отступая к двери, проговорила дама. – Я все поняла... До завтра. – И, сделав шаг к выходу, бросила: – Вы ко мне?

– Да! – звонко, с некоторой першинкой, выкрикнула я, и Вяземская поморщилась. – С вами договаривались... – уже тихо и неловко залепетала я, остановленная недовольным взглядом. – Я Алиса Ковалева...

– Да, да, я помню, – рассеянно кивнула Вяземская. – Алиса... Ковалева, говорите?

– Да.

– Поехали, Алиса, – сказала Ирина Владимировна и, запахивая на ходу шубку из белоснежной стриженной норки, устремилась к выходу. – Поговорим в дороге, я опаздываю.

Окинув победным взором огромный мраморный холл, невозмутимую охрану и бюро пропусков – не для меня! – я проворно выскользнула вслед за главной жрицей гранитно-нефтяного храма. «Безумству храбрых поем мы песню!»

Первый же выстрел четко попал в цель. Вяземская *брала меня с собой*.

Куда?

Не важно. Завтра же отобью Бармалеевой маме благодарственную телеграмму. Фрагменты и кадры из будущей фотосессии уже маячили перед глазами, ошеломленное лицо редактора модного еженедельника застыло надгробным овалом над похороненной нищетой...

На крыльце Вяземскую *принял* личный телохранитель и, ловко перебирая длинными ногами по каменной лестнице, повел к лимузину.

Я шагала рядом. Как привязанная лошадь. Не отступая дальше метра от белоснежной шубы.

– Сережа, поедешь сзади, – на ходу сказала Вяземская и села на заднее сиденье лимузина.

– Ирина Владимировна... – недовольно пробасил охранник.

– Иди, иди, – отмахнулась хозяйка и приказала мне взглядом забираться на переднее сиденье рядом с шофером.

«Вот это да, вот это номер! Я еду вместе с Вяземской в одной машине, она даже охранника выставила!»

А говорили – стерва. Газетчиков на нюх не переносит.

Интересно, не задушу ли я ее журналистскими миазмами в автомобиле?

Сережа-бодигард помрачнел, захлопнул заднюю дверцу и приоткрыл для меня переднюю.

Стараясь не завалиться в обморок от эмоциональной переполненности, я запрыгнула на сиденье, дверь приятно чавкнула, и Сереже порысил к джипу, стоявшему под хвостом лимузина.

Коротко стриженный шофер нажал на пуговицу клаксона, распугал кричающим сигналом стайку девчонок-школьниц, перегораживающих выезд, и плавно воткнул лимузин в поток автомобилей, спешащих на зеленый огонек светофора.

Мне показалось, что все хорошие современные сказки именно так и должны начинаться. Машина везла меня если не на бал, то обязательно в иной мир. Заснеженные улицы столицы как будто стали шире, менялись в фокусе затемненных нефтяной пленкой стекол. Сугробы перестали быть враждебными, фальшивая шубка, оттененная благородной чернотой кожи автомобильного кресла, обрела достоверность...

Я замерла в объятиях удобного сиденья и, боясь спугнуть удачу неловким словом, уставилась в ветровое окно. Право заговорить первой безраздельно принадлежало хозяйке салона. На сегодня, что не исключено, отпущенный мне лимит на везение и наглость был исчерпан. (Не приведи господи, опомнится хозяйка, прикажет остановить карету у станции метро и даже ручкой не помашет!)

Оставаясь в прежнем положении, я слегка перекрутила шею и скосила глаза назад.

Вяземская, напрочь забыв о моем существовании, отрешенно смотрела в боковое окно. Невысокая ростом, сухопарая и ладно скроенная, она утонула в складках белоснежной шубы, позволяя телу расслабленно мотаться под едва ощутимые толчки автомобиля.

Но мой настороженный взгляд все же заметила. Не меняя позы, улыбнулась одними глазами – совсем не стерва, врут коллеги! – и задала вопрос:

– Как поживает Татьяна? Все такая же неугомонная?..

– Такая же... неугомонная... – слегка прокашлявшись, подтвердила я.

– Будешь звонить, передай от меня привет...

«Придется звонить, – обреченно подумала я, – одной телеграммой теперь не отделаюсь...»

– Ты, кажется, сирота? – продолжала интервьюировать меня Вяземская.

«Если в Москве принято называть девочек, потерявших маму, сиротами, то...»

– Да.

«Татьяна Васильевна явно перестаралась, объявив меня сироткой. Еще сегодня утром батюшка был в полном здравии...»

– Татьяна живет все там же?

– Нет, – промямлила я. – Они за город переехали...

К чему эти бестолковые расспросы?! «Сиротку» жалеют и пугать характером не торопятся?!

– Они? – Вяземская подняла брови. – Та тьяна все еще...

Что там все еще с Татьяной, я узнать не успела. В портфеле Вяземской запиликал сотовый телефон, она протянула тонкую руку к замкам и, пощелкав ими, извлекла аппарат:

– Да, Володя, слушаю... Я еду домой... Нет, только завтра...

Кортеж из двух автомобилей свернул с проспекта в тихий переулок, прошел его на приличной скорости и, попетляв по узеньким улочкам, вышел на финишную прямую.

Боясь поверить в удачу, я прочитала на домах таблички с названием шоссе и замерла, перестав напоминать о себе даже полу-вздохом, – Вяземская торопилась за город. К себе. Я получу возможность не только взять интервью, но и пообщаюсь с самой закрытой бизнесменшей города в неформальной обстановке, в знаменитом особняке Вяземских.

«Нет, это обман! Такого не может быть! Сейчас машина остановится у какого-нибудь кафе или ресторанчика – Ирина Владимировна забыла об обещанном интервью, не захотела возвращаться в офис и решила пообщаться с надоедливой журналисткой по дороге к дому. На одной ноге. Пять минут за чашкой кофе. Меня обласкают парой ответов и оставят на тротуаре нюхать выхлопные газы...»

Продолжая надеяться, что обо мне забудут до крыльца дома – не выгонят же «сиротку» в шиншилловом кролике на мороз, не заставят топтать до автобусной остановки, даже не попив чаю! – я превратилась в глухонемое изваяние и только глазками моргала, боясь привлечь внимание.

«Ну вот, еще чуть-чуть! Пара километров от окружной, и возвращаться без чаепития станет совсем неприлично! Даже для записной стервы, на дух не выносящей журналистов... Еще немного, еще чуть-чуть, последний километр – он трудный самый!»

Машины уже неслись по ответвлению от главной дороги, мимо мелькали высокие заборы, скрывающие заснеженные лужайки вокруг домов нуворишей...

Еще один поворот – и финиш! Алая ленточка намоталась на грудь золотого медалиста, трибуны рукоплещут храбрым, крякалка лимузина звучит фанфарами, заставляя ворота открыться. Машины плавно проникают на подъездную дорожку, я, удерживаясь от желания расплющить нос о стекло, во все глаза таращусь на знаменитый Непонятный Дом.

Непонятный дом

Готовясь к встрече с Вяземской, весь вчерашний вечер я просидела в интернет-кафе. Листала электронные страницы, делала выписки и готовила список вопросов. Богатеи пребывают в уверенности, что о них и так все знают, и отвечают на повторные вопросы безынициативно и вяло. В том их право.

Я постаралась подготовить неожиданное интервью, убрала из шпаргалки все стандартные вопросы и собралась вести беседу в стиле еще не пожелтевшей прессы, далекой от старых сплетен и свежих слухов. И прежде всего надеялась предложить выбор темы самой мадам, добиваться расположения уже в связи с ее настроением. Всегда ведь существует вероятность, что у крупного бизнесмена назрела необходимость поведать миру о чем-то важном...

Дай бог, мне повезет, и эта необходимость у Вяземской созрела. О большем и загадывать нельзя.

О доме, который возник из-за деревьев парка, я тоже собиралась спросить. Скорее, чтобы сделать владелице приятное. Поскольку, кажется, знала об этом доме уже все. Или почти все.

Жилище Вяземских имело интересную историю. Строительство особняка затеял один из сталеплавильных магнатов году эдак в девяносто первом. По его крепко-чугунному замыслу, жилище должно было напоминать средневековый замок с мощными искусственно состаренными стенами красно-гранитного цвета, готическими щелями окон и толстой башней, напоминающей водонапорную станцию.

Выстроив стены и начав внутреннюю отделку, магнат скоропостижно разорился. В конце прошлого столетия красно-гранитное чудовище выкупил покойный муж Ирины Владимировны. Прельстившись, как мне кажется, не сколько чудовищем, сколько огромным старым парком вокруг него.

Первоначально псевдозамок Виктор Андреевич собирался снести. (Муж мадам Вяземской к журналистам относился вполне лояльно, и обо всех строительных заморочках я могла судить по прессе тех времен.)

Потом пожалел то ли денег (что вряд ли), то ли времени и поступил с монстром более щадяще. Прорубил в стенах *нормальные* окна, другие окна заставил извиваться струящейся лентой по монолитной водонапорной башне, убрал с крыши зубцы бойниц – и часть крыши превратил в прозрачный полог оранжереи. Навесил по бокам ажурные галерейки, и дом получился странным, но зрячим. Потерял прежнее подслеповатое выражение нахмуренных стен и как будто раскрылся. Непонятная архитектура завораживала взгляд, в дом хотелось всматриваться.

Влиятельный архитектурный вестник окрестил жилище Вяземских «Непонятным Домом» и милостиво присвоил ему звание одной из достопримечательностей возродившегося купечества. Негоцианты не всегда обладают безупречным вкусом, Непонятный Дом удачно выделился из общей шеренги прилизанного – или взьерошенного – деньгами зодчества. Он был столь *непонятен*, что заставлял себя разгадывать, словно архитектурную головоломку: смешение времен и стилей, коктейль из монолита и сверкающего стекла. Подобное творение можно было создать только под угрозой ослепления или под пыткой: огнем, тщеславием, монетой. Вряд ли зодчему прижигали угольями пятки, думаю, его гений разбудили все-таки монетой, и славный выдумщик пробежал по хмурым стенам шаловливой кистью затейника и мудреца.

...Лимузин накатом подобрался к крыльцу, охранник Сережа рысью подбежал к хозяйской дверце и помог Ирине Владимировне выбраться из салона.

Я – невелика персона – подобного обхождения дожидаться не стала и выпорхнула наружу самостоятельно.

Ирина Владимировна, нисколько не сомневаясь, что я иду следом, поднялась по крыльцу и вошла в дом через огромную полуовальную дверь из полированного стекла. У порога ее встретила тощая кислая особа в черном подпоясанном платье с брошью-камеей под крошечным ажурным воротником, навевшим воспоминания о чьих-то тяжелых армейских буднях и подшивании подворотничков к воротникам при помощи тупых иголок. Особа дернула бровью, и к Ирине Владимировне метнулась полненькая девушка с распахнутыми, готовыми принять шубку руками.

– Клементина, – обратилась Вяземская к подворотничку, – это Алиса. Я тебе о ней говорила. – Над подворотничком дернулся острый подбородок. – Покажи ей все и объясни.

Бросив на руки горничной портфель и шейный платок, Ирина Владимировна подошла к зеркалу, одним движением поправила прическу и быстро пошла к лестнице, плавно извивающейся в центральном желобе, пронизавшем дом до крыши.

Я приоткрыла рот, собралась озадачить мадам вопросом: а когда я, собственно, могу рассчитывать на интервью? – но наткнулась на взгляд уже совсем не кислой Клементины и как-то сникла. Домоправительница Вяземских разглядывала меня с недовольством барышника, купившего у цыгана негодную лошадь. Особенного недовольства заслуживали мои – чистейшие! – лакированные сапоги на шпильках. На них Клементина задержала многозначительный неодобрительный взгляд (я даже голову опустила и проверила, не нацепился ли на каблук кусочек собачьей какашки), потом, оторвав, наконец, взгляд от пола, она буркнула:

– Иди за мной, – повернулась спиной, собираясь уходить.

Я, честно говоря, опешила. Когда незнакомые люди начинают мне тыкать в первые минуты знакомства, у меня появляется четкое ощущение того, что мне хамят.

– Простите! – возмущенно пропищала я вслед удаляющейся спине и тут же услышала тихий шепоток девушки-горничной:

– Иди, иди, Карловна ждать не любит.

Сумасшедший дом. Выездная сессия.

Я плюнула на гордость – негоже начинать трудовую деятельность со склок с прислугой – и походкой, сохраняющей достоинство и независимость, поспешила вслед за Клементиной, оказавшейся еще и Карловной. Домоправительница шагала к боковой лестнице, проложенной внутри водонапорной башни. Прямая, как древко штандарта, безыскусная, как циркуль, убедительная без всяких слов, она шла на второй этаж и остановилась подождать у перил, наблюдая, как я карабкаюсь по винтовой лестнице на ставших вдруг неудобными каблуках.

Центральную часть второго этажа занимало помещение, напоминающее читальню шикарного мужского клуба. Удобные кожаные кресла и диваны, низкие столики с журналами и газетами, автономное освещение, потухший камин и множество книжных шкафов из темного дерева. (Фотографии в интерьере выйдут замечательные! Особенно на фоне головы кабана или оленя, висящих на стенах.)

Клементина кивком предложила – пардон, приказала – следовать дальше, мы миновали библиотеку, прошли по узкому коридору и из непонятного Средневековья попали в обычный европейский новодел: светлую галерею с окнами на задний двор по правую руку и рядом дверей по левую.

Клементина толчком ладони распахнула одну из дверей и мотнула головой – заходи.

Я бочком проскользнула в небольшую вытянутую комнату и огляделась: диван и кровать вдоль стен, дальше тумба с телевизором, напротив платяной шкаф, туалетный столик под скошенным мансардным окном...

«Меня привели в гостевую комнату для незначительных персон? Предполагается, что интервью будет двухдневным?!»

– Зачем ты потащила в город? – скрипуче пробурчал за моей спиной голос домоправительницы. – Нормально дождаться не могла?

Мало понимая вопрос, я повернулась к Клементине Карловне и изобразила недоумение. Куда я потащила?! Откуда?!

Домоправительница пронзила незначительную персону негодующим взглядом, возмущенно дернула плечом и, бурча что-то под нос, ушла от двери, так ее и не закрыв.

Я вышла в коридор, посмотрела на удаляющийся циркуль и горестно вздохнула – ну и прием! Засунули в комнату, ничего не объяснили, нахамили, можно сказать...

Может быть, коллеги все же правы – мадам стерва и задавака?

Вернувшись в комнату, я оглядела ее более пристально, подошла к платяному шкафу, раскрыла дверцу и с удивлением обнаружила, что он наполовину заполнен женской одеждой. Несколько платьев, пуховик, кофточки и юбки висели на плечиках, внизу на полочке стояли сапоги и кроссовки...

На туалетном столике – ворох косметики...

Комната жилая?! Меня определили коротать время вместе с прислугой?!

Что за бред. Зачем все это?!

Пытаясь угадать ход мыслей и намерений странной богачки, я захлопнула дверцу и тут же услышала, как по коридору топочут мягкие шаги.

Ну наконец-то! Хоть что-то разъяснится!

– Привет, давай знакомиться. Я – Люда. Можно – Мила.

В комнату по-свойски залетела та самая крепенькая горничная-блондинка в голубом форменном платье и белом переднике. Плюхнулась на диван и, болтая полными ножками в удобных светло-серых тапочках, пустилась трещать без умолку:

– Тебя зовут Алиса, да? Мы будем жить вме сте. Кровать – моя, диван – твой. Диван на день убирается. Твои вещи уже принесли? Нет?

Ну ничего, ребята притащат... Ой, а ты куда делась-то?! Тебя все обыскались! Думали – заблудилась!

Болтовня Людмилы меня совсем запутала.

Кто обыскался?! Почему? Где я блудилась?!

Совершеннейшим столбом на шпильках и в шиншилле, я стояла посреди комнаты и пыталась найти рациональное зерно в сумбурных речах горничной.

– Мила, подожди, – прерывая поток, вклинилась наконец я. – Я ничего не понимаю. Я буду жить здесь?!

– Да. А чем тебе не нравится? График удобный – четыре через четыре, в Москву таскаться не надо...

– Куда таскаться?! Зачем?! Я – журналистка!

– С дипломом? – прищурилась Людмила.

– Конечно!!!

– А я не доучилась, – вздохнула. – На бухгалтера. – И тут же бросила грустить: – Но ничего, денег накоплю, курсы закончу...

Ненужная мне информация сыпалась из Люды как горох из драного мешка. Стуча, струилась на темя и забивала горло сухой перхотью...

Я подошла к столику, налила в стакан воды из графина и залпом выпила. Похоже, сказка вышла не та. Произошла какая-то путаница, меня приняли за другую или... я совсем ничего не понимаю!!

– Привет, девчонки! С новосельем! – В комнату, затаскивая большую дорожную сумку, проник симпатичный голубоглазый крепыш в черном костюме. Поставил баул у моих ног и, кажется, стал ждать благодарности.

– Спасибо, Саша, – ответила за меня Людмила.

– А вы тут – как? Новоселье отмечать будете?

– Нет, – четко высказалась я.

– Зажмете? – прищурился крепыш и тут же получил шлепок по пояснице от Людмилы.

– Иди, иди, не отвечивай. Новоселье ему понадобилось...

Саша попытался ущипнуть горничную за круглую попку, получил еще один шлепок...

Я смотрела на их возню, на чужую сумку возле своих ног и постепенно укреплялась в мысли: «Совершенно точно, произошло недоразумение. Путаница. Меня приняли за кого-то другого и надо, пока не поздно, объясниться...»

– Саша, – привлекая к себе внимание, я по дошла к флиртующей парочке и вклинилась меж ду ними, – Саша, где я могу увидеть Клементину

Карловну или лучше Ирину Владимировну?

Парочка прекратила возню, Мила посмотрела на меня так, словно я попросила ее показать, где находится сейф с семейными ценностями, Саша стукнул себя по лбу и произнес:

– Ах да, совсем забыл. Вот, Ворона попросила тебе передать. – И вздохнул: – Везет же некоторым.

– Замолчи, – неловко толкнула его Мила и почему-то сделала страшные глаза.

Я взяла протянутый конверт, раскрыла его и – запуталась совершенно. В конверте лежала тощая пачечка стодолларовых купюр. На взгляд, явно больше тысячи.

– Это мне? – оторопело прошептала.

– Угу, – кивнул Саша. – Ворона передала.

– Ворона?

– Карловна, – шепотом уточнила Мила. Если бы не чужой груженный баул возле ног, я бы однозначно решила – мадам передала аванс за заказную статью. Но приходилось – как ни жалко – думать, что денежки предназначены не журналистке Алисе Ковалевой, а совсем наоборот.

Пока я горевала над конвертом, Мила выпроводила ухажера за дверь и, подойдя ближе, дотронулась до плеча:

– Ворона сказала – ты сирота... Это, Али сочка, подъемные, Владимировна приказала вы писать... Из белой коробочки возле дверного косяка раздался тихий двойной звонок, и в ряду нескольких лампочек загорелся зеленый огонек. Я вздрогнула, Мила пропищала: «Ой, вызывают!» – и бросилась вон из комнаты.

Я осталась в длинной комнате одна. Компанию мне составляли чужие деньги, чужие вещи и пораженческие мысли. Сказка кончилась. Заколдованный изуродованный замок мстительно заглотив меня в гранитно-каменное чрево, немного пожевал и приготовился извергнуть, дав пинка, как вражескому лазутчику, обманом проникшему в чертог...

А впрочем, почему обманом? Ведь я ни в чем не виновата. В холле нефтяного храма я четко представилась Алисой Ковалевой. Вяземская сама пригласила меня в машину, то ли не расслышав, то ли перепутав мое имя с чьим-то еще...

Пока не поздно, надо найти Ирину Владимировну и объясниться. Не думаю, что путаница чем-то оскорбит надменную богачку, показавшуюся мне вполне вменяемой, и надежда на интервью останется. В конце концов, в возникшей путанице нет моей вины. Только невнимание к малым мира сего самой Вяземской...

Я вышла из комнаты, прошла несколько метров по длинной галерее, но, засмотревшись в окно, выходящее во внутренний двор псевдозамка, остановилась. Пожалуй, следует использовать возможность для знакомства с внутренним устройством знаменитого жилища. Когда еще представится! Если вообще представится!..

Помещение для слуг – людская, если следовать замковой терминологии, – занимало площадь над узкой пристройкой гаражей, похожих на средневековые конюшни. Общий стиль прежней задумки чугунного магната выполнялся даже в малом, и, если бы в тот момент из деревянных ворот гаража конюх вывел оседланного жеребца, я несколько бы не удивилась.

Гарцующий гнедой рысак просился на площадь, исчерченную отпечатками автомобильных шин. Машины – не кони, смотрелись они чужеродно на фоне грубого камня и стен, увитых сеточкой плюща...

Непонятный Дом околдовал очередную жертву. Мне даже глаз не надо было прикрывать, чтобы представить под окнами служанку в длинном платье из домотканого полотна, в чепце с оборками, с совочком в руках, в который она сметает конские «яблоки»... Конюх ласково ее поддразнивает, жеребец перебирает точеными ногами... Дюма, сиреневые сумерки, три мушкетера, леди Винтер...

Помотав головой, я отогнала наваждение и, все еще не отворачивая головы от окон, пошла вперед.

Чуть освещенный коридор вывел меня в библиотеку. Немного постояла возле книжных шкафов – читательские пристрастия могут многое сказать о хозяевах опытному взгляду, – огладила глазами книжные корешки многотомных словарей, энциклопедий, справочной литературы и неплохой подборки классики.

Беллетристики на полках я не обнаружила. Только стандартный набор модернистской литературы и пара-тройка раскрученных российских авторов.

Прошла мимо камина, где над мраморной полкой висел семейный портрет Вяземских, потом не удержалась, вернулась и какое-то время всматривалась в лица. Ирина Владимировна Вяземская – спокойная и надменная – сидела в антикварном кресле с золочеными ручками. За ее спиной стояли муж и сын. Валерий Андреевич держал руку на спинке кресла, Артем, еще подросток, выступал вперед, почти касался бедром подлокотника.

Ирина Владимировна выглядела очень молодо. Печать сегодняшней усталости еще не опустилась на ее лицо. Как видно, ей тяжело дались годы *правления*...

Я оторвалась от портрета, прошла мимо других шкафов, поглядела на чучельные головы оленя и кабана и вновь, не удержавшись, постояла, изучая корешки. (Ничего не могу с собой поделаться: книги – моя слабость. Каждый раз, попадая в новый дом, первым делом сую нос в книжные шкафы! Кто-то изучает фотографии, кто-то холодильник, кто-то играет с котами или собаками, я вечно замираю возле книг.) Вздохнув тяжело-тяжко, обвела библиотеку прощальным взглядом. Среди книг и уютных кресел хотелось жить. Закопаться в томах и фолиантах и не вылезать, пока не выгонят.

Блаженное занятие – читать, читать, читать. Нашаривать на столике рядом печенье или конфету – и не отрывать взгляда от страницы даже на секунду.

(Может быть, мне стоило выучиться на библиотекаря? Специфический запах книгохранилища всегда был для меня лучше любых духов...)

Простившись с книжной обителью, я промаршировала по винтовой лестнице, опустилась в огромный полутемный холл. Снег за стеклянной дверью стал совсем вечерним и синим, я прислушалась – было совершенно тихо – и начала решать, куда податься.

Ирина Владимировна поднялась вверх по центральной лестнице. Если идти так же, пожалуйста, я не запутаюсь в огромном доме.

Высокое, в два человеческих роста, зеркало поймало мое нелепое отражение – фальшивая шиншилла, прическа, потерявшая первозданность, только сапоги горели паркетным лаком, – поправила за ухом выбившийся локон и опять вздохнула. Я выбивалась из интерьера, как пронзительная нота. Как гвоздь в ботинке. Как белая нитка на черном фраке.

Меня не защищали ни диктофон, ни белый передник, я была чужой. Непринятой, непонятой, ненужной, непригодной.

(Неделю назад, после моего очередного безрезультатного визита в редакцию, Бармалей спросил:

– Алис, а чем ты вообще хочешь заниматься?

Вопрос я поняла правильно. Василий спрашивал меня не о работе, а о мечте.

– Я хотела бы попробовать написать книгу. Что-то легкое, смешное, где много красивых женщин, мужчин, мехов и шикарных автомобилей. Сейчас такое модно...

– Ну так садись и пиши! Попробуй! В чем проблема?

– В незнании материала, – призналась я. – Я никогда не бывала в коттеджах на Рублевке, не пробовала омаров, не видела всамделишных тусовок...

– Чепуха, – перебил Василий. – Открой любой журнал и представь себя среди гостей модной вечеринки. Неужели воображения не хватит?

– Хватит, – пригорюнилась я. – Но хотелось бы хоть разик попристутствовать...)

Сегодня я стояла в холле дома, который как раз имела в виду, говоря «хоть разик попристутствовать...».

Озиралась по сторонам и впитывала каждую деталь: вазон с огромным, искусственным только на ощупь букетом, бархатное кресло на гнутых ножках, две тумбы в том же стиле, каменный плиточный пол, устланный *огромным* шерстяным ковром, канделябры, подсвечники возле зеркала трехметровой высоты. На тумбе серебряный поднос с двумя надписанными и запечатанными конвертами...

Хотелось подойти к столику под зеркалом и открыть выдвижной ящичек... что там лежит: перчатки, платьевая щетка, расческа?... Или обувной рожок слоновой кости с инкрустацией из самоцветного камня?

Сделав нерешительный шаг, я приблизилась к столику, провела пальцем по позолоте завитушек и нежно, осторожно взявшись за пуговку ручки, потянула ее на себя. «Если сейчас окажется, что я угадала, все будет хорошо. Я возьму интервью, получу работу, Вяземская поможет мне проникнуть в закрытые дома ее круга...»

В выдвижном ящичке резного столика лежали платьевая щетка и рожок для обуви. Из слоновой кости. Но не инкрустированные, а украшенные резьбой.

Боясь поверить предзнаменованию, я протянула руку и тихо-тихо провела подушечками пальцев по закругленному краю рожка, выглядевшему остро заточенным...

Над головой в один момент, разом, вспыхнули многочисленные лампы в люстрах, мне показалось, что сверху обрушился поток огня, он отразился в зеркале, ударил по глазам...

Ящичек, только что открывшийся от легчайшего движения двух пальцев, никак не хотел убираться под столешницу. Суматошно запихивая его назад, я слышала, как по центральной лестнице, разговаривая, спускаются две женщины.

С оглушительным – как мне показалось – грохотом, ящик въехал на место; я оглянулась на лестницу – женские ножки в ботиночках на удобных каблуках уже показались из-за изгиба перил...

Я побежала. Как мелкий уличный воришка, стянувший у торговли пирожек. Под арку, мимо букета и кресла, к лестнице в водонапорной башне.

Сердце стучало в висках, заглушая разговор спустившихся в холл женщин. Я не слышала, о чем они переговариваются – обсуждают ли странные звуки пустынного холла или продолжают прежнюю беседу, – испуганной кошкой я неслась наверх, обратно в библиотеку, потом в коридор, в галерею и дальше – в комнату на двух служанок.

Я чувствовала себя пойманной при попытке ограбления. Обманом проникшей в дом и шарящей по шкафам.

Какой стыд! Какой позор! Сжав ладони между трясущимися коленями, сидела на диване и с ужасом прислушивалась, не раздадутся ли шаги в коридоре, не дойдут ли они до двери, не откроется ли она, пропуская в комнату свидетелей моего *поступка*.

«Боже, сделай так, чтобы они меня не заметили! Не увидели, как два лакированных сапога на тонких шпильках мелькнули за перилами, не догадались, кто в отсутствие хозяев стучал дверями шкафов!...»

Скандал, случившийся в приличном семействе, навсегда покроет позором мою неразумную голову.

«Боже, беззастенчиво шарить по шкафам! Что может быть гаже! Проныру журналистку с позором выкинут из дома, скандал докатится до мебельной мамыши... та расскажет обо всем бабушке... потом об этом узнает весь город... Я пропала».

Накрутив себя до полуобморочной тошноты, я скинула сапоги и с ногами забралась на диван. (Пока буду надевать их – не выкинут же босиком на снег! – образуется пауза для оправданий. Только будут ли меня слушать...)

Легкий топоток прошелестел по ковровой дорожке, я зажмурилась, прикусила губу – в комнату вошла Людмила.

– Не соскучилась? – спросила с улыбкой.

Я ошалело помотала головой. Сердце подпрыгивало в груди теннисным мячиком и пыталось проникнуть в гортань.

– Давай переодевайся, пойдем ужинать. Хо зйика уехала, наши стол на кухне накрыли...

Людмила болтала, почти не обращая на меня внимания. Подкрашивала губы, избавлялась от гладкой прически «приличная горничная», взбивала пышные пепельные волосы в львиную гриву. Я казалась себе трупом, из которого вынули все кости. Тело сделалось непослушным и аморфным, мерзкая испарина холодила лоб, конечности приобрели поистине веревочную гибкость. Руки болтались безвольными плетями, я даже не смогла на них опереться и спустить босые ступни на пол: из локтей словно бы исчезли суставы, руки подворачивались и отказывались выполнять простейшие приказы мозга.

Шок сменился ступором.

– Эй, ты что? – разглядела меня наконец

Людмила. – Тебе плохо?! Ты вся бледная!

Я заставила язык повиноваться.

– Все в порядке, – выдавила хрипло.

– Нет, не в порядке. – Люда села на диван и дотронулась до моей руки. – Да ты же ледяная! Тебе плохо?!

– Нет, мне не плохо. – Я выдернула руку. – Немного замерзла – и все.

– А зачем сапоги сняла? Босиком ходила?!

А ну-ка, давай вставай, – девушка буквально сдернула меня с дивана, – пойдем в душ. Ты с дороги, тебе надо помыться... Под горячей водой быстрее согреешься. Не хватало еще заболеть на работе!

Почти волоком Людмила протащила меня по коридору и впихнула в комнату, оказавшуюся санузелом с двумя душевыми кабинками и умывальниками.

– Давай раздевайся, залезай под душ, полотенце я тебе сейчас принесу.

Сказала и захлопнула дверь.

Прижавшись спиной к кафельной стенке, я медленно переводила дух. Кажется, пронесло. Меня не заметили или... разгон устроят позже. Мадам Вяземская снова куда-то спешила. Вернется и начнет проверять шкафы, не стащила ли чего-нибудь драгоценного девица в фальшивой шубе.

Представив, как меня обыскивают прежде, чем вышвырнуть за порог в сугробы, я снова ощутила такой прилив дурноты, что чуть не взвыла: «Хорошенькое начало карьеры! Могут ведь и милицию вызвать...»

Меня заколотило в ознобе: в голове кипели мысли, тело медленно, но неуклонно коченело, разница температур вызывала крупный пот и зубовную дрожь...

Непослушными, трясущимися пальцами я расстегнула блузку, чиркнула бегунком «молнии» на застежке юбки... Приму душ. Согреюсь... хотя бы не заболею. Теплая вода всегда помогала мне войти в норму. Приведу себя в порядок и без дрожи в голосе и теле пойду разыс-

кивать их Ворону. Спокойно расскажу ей о возникшем недоразумении и попрошу передать госпоже Вяземской свои сожаления. Глупо накручивать себя страхами и доводить ситуацию до полного абсурда.

Эх, если бы не мое идиотское любопытство! Сейчас бы уже ехала домой, точнее, к сестре в коммуналку, и в ус бы не дула!

Кретинка туполобая!

На полке возле умывальника лежала шапочка для душа, я натянула ее на голову – руки все еще тряслись в пляске святого Витта, – отрегулировала воду до терпимо горячей и встала на поддон за полупрозрачной плексигласовой перегородкой.

Горячая вода ошпарила кожу, моментально покрыла ее пупырышками, страх утекал в водосток вместе с водой, мышцы расслабились. Нечаянный позор смывался вместе с потом, минут через пять я почувствовала себя готовой невозмутимо встать перед домоправительницей и с достоинством откланяться.

– Алис! Я тебе полотенце и одежду принесла! – раздался из-за перегородки голос Люды. – Давай быстрее, без нас все съедят!

Я выключила воду, отодвинула перегородку и получила в образовавшуюся щель широкое махровое полотенце с розочками по бежевому полю.

– Я твои вещи разобрала! – продолжала тем временем Людмила. – Вот, спортивный костюм принесла! Одевайся – и вперед! Жду тебя в комнате!

– Ты – что? – высунулась я из кабинки.

– Вещи твои разобрала, – безмятежно улыбнулась горничная. – Повесила все в шкаф.

Кажется, она ожидала от меня благодарности. Стояла с улыбкой на добром круглом лице и ждала слова «спасибо».

Убравшись назад за перегородку, я тихо застонала. Поразительно, до чего бывают беззащитны люди! Раскрыть *чужую* сумку, развесить *чужие* вещи, копаться в белье...

Впрочем, чего можно ожидать от горничной, привыкшей приглядывать за хозяйской одеждой? Думаю, госпожа Вяземская сама бельишко не застирывает...

А отчитать эту улыбающуюся простушку, высунув нос в щель, у меня язык не повернулся. Это все равно что ребенка ударить. Услужливая, милая и добрая Люда оплеухи не заслуживала – во всем была виновата я одна. Объяснюсь с Вороной, приду попроситься, вместе посмеемся над недоразумением.

Людмила тактично не стала дожидаться, пока я появлюсь из кабинки, ушла; я прошлепала босыми ногами до полочки под зеркалом и – не нашла там своей одежды. На полочке аккуратной стопочкой лежали черный спортивный костюм, голубые трусики и белые носки. Под тумбой стояли тапочки, точная копия обуви Людмилы.

«Ну. Чужое белье, это уже слишком».

Я сняла шапочку, обернулась полотенцем и как была – голая и рассерженная – потопала в комнату. Комедия с лже-горничной излишне затянулась, пора расставить все по своим местам.

Людмила стояла над корзиночкой для грязного белья и складывала в нее мои вещи.

– Твое белье и колготы забросить в стирку? – спросила она безмятежно. – А ты чего не оделась?

– Люда, оставь мои вещи. Пожалуйста, – строго выговорила я. – Сядь. Нам надо поговорить.

Девушка покорно, не выпуская из рук приготовленного для стирки халатика, села на краешек своей кровати.

– Я – не горничная. Я – журналистка. Приехала к Ирине Владимировне брать интервью.

Глаза Людмилы превратились в блюдца. На ее взгляд, журналистка, обернутая в полотенце, выглядела в лучшем случае самозванкой. В худшем – сумасшедшей. С манией величия. (Через пару секунд назову себя Наполеоном или царицей Савской.)

– Произошла путаница, – строго продолжала я. – Ирина Владимировна приняла меня за другую девушку, привезла сюда...

Я вкратце рассказала невероятную историю своего появления в этом доме, Люда хлопала ресницами и надувала розовые губы.

– Прямо как в кино! – восхитилась она бес хитростно. – Прямо сериал!

– Не наблюдаю ничего потешного, – нахмурилась я. – Где я могу найти вашу Ворону, то есть Клементину Карловну?

– Уехала она, – пожала плечами Мила. – Вместе с хозяйкой.

– А когда вернется?

– Завтра. Они поехали встречать Артема, тот рано утром прилетает из Германии, заночуют в городской квартире. – И внезапно подпрыгнула: – Слу-у-у-ушай! А куда настоящая горничная девалась?!

– Не знаю, – размышляя о своих проблемах, сказала я. – Такси мне вызовешь? Я адрес не знаю.

– Такси-то я тебе вызову, только зачем уезжать? С тебя за вызов по этому адресу три шкуры сдерут... Оставайся здесь, завтра утром пойдешь к хозяйке, все ей объяснишь...

– Нет, – покачала я головой. – Неудобно. Меня не приглашали.

– Ой, да ладно тебе! Не приглашали ее! Переночуешь здесь, а завтра утром тебя Сашка в город отвезет, никто и не узнает!

– Нет, Люда, я уеду.

– Ну, как знаешь. Пойдем хотя бы поужинаем, а? Есть хочется, спасу нет!

Говоря по совести, есть мне хотелось не меньше, чем Людмиле. С утра на двух чашечках кофе.

– Тетя Лида – наш повар – уже к приезду

Артема готовится, такого настряпала! Пальчики оближешь! Пошли, а? А потом я тебя до поселка провожу, там автобусы и маршрутки ходят...

Пустой до звона желудок согласился бы пойти на кухню с разносолами без всяких уговоров, голова еще не окончательно отупела от голода и упорно изобретала причины для отказа, одна из которых звучала незамысловато просто – неудобно.

– Да чего тебе неудобно-то?! – горячилась

Людмила. – Там еды на роту солдат хватит!

Пошли. Одевайся нормально – и пошли.

Натянув белье и колготки за дверцей платяного шкафчика, я надела блузку – казалось, она провоняла страхом, как половая швабра хлоркой! – сноровисто застегнула крошечные пуговицы и услышала, как из сумочки доносится трель сотового телефона.

На дисплее обозначился номер Бармалея. Я отвернулась от любопытной Людмилы и тихо сказала в трубку:

– Да, Василий.

– Алис... – виновато вякнул друг, – прости. Я только что узнал.

– Что ты узнал? – продевая ноги в юбку и придерживая телефон плечом, спросила я.

– Ну, о Вяземской...

– Что ты узнал о Вяземской? – Я выпрямилась и замерла, глядя внутрь шкафчика на вешалки с одеждой Люды.

– То, что она от интервью отказалась...

– Она отказалась от интервью?! – выкрикнула я в шкаф.

– Да, – понуро отозвался друг. – А ты разве не знаешь?

– Нет. Когда она отказалась?

– Ну... буквально в последний момент...

В душе моей что-то застонало и умерло. Кажется, это была надежда.

– Может быть, она его перенесла? – спросила я.
– Нет, – буркнул Бармалей. – Она отказалась.
– Черт, – обреченно выругалась я.
– А ты разве не была в офисе?
– Была... но там кое-что не сложилось. Потом расскажу. Я не дошла до приемной.
– Тебя не пустили?!

– Нет, другое. Ты мне скажи, сам об отказе откуда узнал?
– Мама сказала, – на вздохе выдавил Бармалей.
– А она когда тебе сообщила?! Почему секретарь не перезвонил мне?!
– Потому что она договаривалась с мамой! Ей и позвонила!
– А Татьяна Васильевна почему мне не перезвонила?!
– Потому что поздно было! – оправдывая маму, выкрикнул мебельный сын. – Вяземская отказалась за пять минут до назначенного времени!

Понятно. Зачем беспокоиться о какой-то Алисе? Она и так уже в офисе, поднимется в приемную, там ей все и скажут – мадам не желает никаких интервью. Все просто, доходчиво и без нервотрепки.

– Ладно, Василий, проехали, – пробормотала я и захлопнула дверцу шкафчика.
– Алис, ты обижаешься?
– На что? Ты ни в чем не виноват.
– А где ты сейчас? Хочешь, я приеду?
– Нет, спасибо, у меня все в порядке. Иду ужинать в хорошей компании. До свидания, Вася.

Я отключила телефон. Повернулась к истомившейся от ожидания голодной – спасу нет! – Людмиле и сказала, растягивая в улыбке резиновые губы:

– Пойдем?
– Пойдем, – оживленно отозвалась девушка.
– Только, Люда... Не говори никому, пожалуйста, что я журналистка. Ладно?
– Почему? – Ресницы захлопали над голубыми радужками.
– Потому что теперь я никакая не журналистка. Я просто безработная.
– Ой, как нехорошо...

Кажется, если не принимать в расчет меня, сильнее всех из-за проваленного интервью огорчилась простодушная девушка с ласковым именем Мила.

На кухню мы попали, пройдя запутанным лабиринтом узких коридоров, спустившись по черной, людской лестнице. Доведись мне разыскивать камбуз самостоятельно, заплутала бы, как Фарада в волшебном институте, и в полночь уже кричала бы: «Люди, где вы, ау?!» Часть псевдозамка, предназначенная для рабочих помещений, напоминала о титанических размерах особняка только высотой потолков. Узкие, слабо освещенные коридоры казались ущельями, разрезавшими гору на дольки. В одном из коридорных ответвлений нам даже пришлось идти гуськом, чтобы не толкаться в стены плечами.

...На огромной, поистине замковой кухне уже всюду поздравляли шеф-повара Лидию Ива новну. («У Лидочки Ивановны внучка родилась», – шепнула Людмила.) Первые тосты были произнесены до нашего прихода, новоявленная бабушка поздравлена, компания из восьми человек слушала невысокую худенькую брюнетку с раскрасневшимся лицом и широко распахнутыми карими глазами.

– Остановка просто всмятку! – возбужденно, стоя в центре камбуза, вещала девушка. – Кровищи-и-и-и – жуть! Константиновну «скорая» увезла, а бабу Веру, – рассказчица вздохнула со всхлипом, – на снегу оставили. Только пакетом прикрыли... Жуть! Меня потом полдня колбасило!

– О чем базар? – усаживая меня на свободное место в торце длинного стола, шепнула Мила, обращаясь к тому самому Саше, который принес мне чужую сумку.

– Ленка про аварию рассказывает, – так же тихо ответил тот. – Сегодня в поселке КамАЗ автобусную остановку смял. Двое погибших, трое ранено...

– Ого! – выдохнула Люда. – Шофер был пьяный?

– А кто знает? – пожал плечами парень. – Может, тормоза отказали, может, подрезал кто...

– ...А баба Вера только полгода назад мужа схоронила, – продолжала говорливая брюнетка. – Она соседка по улице тети Маруси... была то есть соседкой, – поправилась, сделав скорбное лицо.

– Дом пустой остался? – словно между прочим, засовывая в рот маринованный огурчик, поинтересовался subtilный дядька в темном пиджаке и голубой рубашке с расстегнутым воротом.

– Ми-и-иша, – с укоризной протянула повариха.

– А что Миша? – вздернул плечи дядька. – Если дом освободился, а наследников нет...

– Без тебя разберутся, – отрезала Лидия Ивановна и, прекращая прения, обернулась ко мне: – Добрый вечер, тебя, кажется, Алисой зовут? – спросила мягко.

Вдоль длинного стола с двумя тарелками в руках носилась Людмила. Щедро накладывала закуски на две персоны одновременно и еще успевала разговаривать. За меня.

– Алиса уже институт закончила, на работу устроиться не может... Лидочка Ивановна, а где пирог с капустой?!

Кипучая энергия и фонтанирующая болтливость Люды спасли меня от расспросов. Я отщипнула кусочек хлеба и обошлась ответной улыбкой.

– Разуи глаза, – посоветовала повариха. —

Перед твоим носом стоит. И положи Алисе пюре!

И рыбы. И сядь, наконец! В глазах рябит, неугомонная!

За противоположным концом стола брюнетка Елена продолжала рассказ, придерживаясь повествовательного стиля Савелия Краморова из «Неуловимых» – «а вдоль дороги мертвые с косами стоят, и – тишина-а-а!». Дорожно-транспортное происшествие подарило ей массу впечатлений, и девушка никак не могла переключиться:

– А девчонка в серой шубке не наша. Не поселковая. Представь – лежит. Глаза открыты, как у куклы, ни единой царапинки, но – мертвая! Говорят – шею сломала. Я так плакала!

Расчетливо-смекалистый дядька Миша покосился на рассказчицу, крякнул и, со значением подняв наполненную рюмку, произнес:

– Ну, – пауза, дававшая возможность свидетельнице ДТП заткнуться, – выпьем за нашу дорогую хлопотунью Лидочку Ивановну...

Застолье пошло своим чередом. Я с плохо скрываемой жадностью налегала на разносолы, которые успевали в две руки подкладывать Людмила и Саша, сидящие по бокам. Угощение, приготовленное новоиспеченной бабушкой, заслуживало не похвалы, а песни. В домах, подобных псевдозамку, плохих поваров не держат. Я уминала явства с азартом изголодавшейся собачки и только что хвостиком умильно не вертела.

Тем временем народ перешел с восхвалений – заслуженных! – талантов бабушки Лиды к великосветским сплетням.

И я тут же пожалела, что не захватила на кухню диктофон. Народ, успевший поработать в иных местах и у иных звезд, рассуждал об их звездной жизни со знанием дела и фактов.

Материала набралось бы на десять с лишком статей и две полновесные книжонки! Народ упоминал знаменитые фамилии так легко, словно находился с ними в кровном родстве! Факты, неизвестные широкой общественности, обсуждались всуе, я чувствовала себя засланным казачком и только не рыдала от огорчения – ну кто же знал, что все это можно услышать

на кухне! Да за четверть того, что я разнюхала на празднике поварихи, любой глянецовый журнал отдал бы половину площади любого номера!!!

Я даже про пирог забыла. Сидела, превратившись в слух, и старалась не упустить, не перепутать, расслышать.

Кухонное общество оказалось ценнейшим источником информации!

Но все хорошее имеет обыкновение быстро заканчиваться. Поток великосветских сплетен в кухонной интерпретации прервал широкоплечий рослый гражданин в приличном костюме. Гражданин занес на кухню большую коробку с розовым бантом, нахмурился, увидев дядю Мишу рядом с бутылкой, но все же улыбнулся:

– Поздравляю тебя, Лидочка. Дай Бог здоровья тебе и внучке.

– Шмаргун, – тихонько шепнула Людмила, – Георгий Анатольевич. Шеф охраны.

– Злой? – одними губами спросила я.

– Нет. Справедливый. Лидочка в него по уши. И Ленка. И даже Ворона. Кажется.

Охранник Саша мгновенно – и виновато – испарился с кухни, дядя Миша наполнил новому гостю рюмку, Шмаргун положил себе на тарелочку дольку докторской колбасы.

Демонстрация с колбасой не прошла незамеченной. Народ быстро смел с тарелок подвявшую закуску и рассосался по недрам замка шкодливymi тенями.

...За окнами, выходящими на задний двор, вовсю гуляла метель. Следы от шин упрятались под снег, под двери гаража намело сугробы, Людмила глянула на улицу и зябко повела плечами:

– И охота тебе в такую пургу на улицу тащиться? Оставайся до утра, завтра Сашка тебя в город отвезет...

Я обогнула замершую у окна девушку, вошла в комнату и вынула из шкафа чужую сумку.

Села на диван, поставила баул у ног и, дождавшись Люды, произнесла:

– Ты слышала, что рассказывала Лена? Об аварии на автобусной остановке...

– Ну, – кивнула горничная.

– Помнишь, она говорила о погибшей девушке в серой шубке?

– Ну... – все еще не понимая, к чему я веду, снова кивнула та.

– Я думаю, погибшая – и есть ваша пропавшая девушка, – тихо, глядя снизу вверх, закончила я.

Людмила так и села на кровать.

– Точно, – протянула поражено. – Она не вернулась... погибла... а тебя приняли за нее!

– Я почти в этом уверена. Иначе куда она делась? Давай посмотрим в сумке, может быть, там есть какие-нибудь документы?

– Давай! – тут же согласилась Людмила, я раскрыла плоское внутреннее отделение баула и сразу нашла паспорт. – Ну и дела! – причитала Мила, пересаживаясь на диван и заглядывая мне через плечо. – А я-то думаю, куда она подевалась?! Ни за что бы не догадалась! – И огрела меня по спине. – А ты молоток! Варишь!

Паспорт был выписан на имя Копыловой Алины Сергеевны. Девушка жила в Клину, мы были почти ровесницами.

– Понимаешь, почему нас перепутали? – глядя на Людмилу, спросила я. – Имена созвучны – Алина – Алиса. Фамилии тоже похожи – Ковалева – Копылова.

– Точно! Все в точку!

Занятой, загруженной работой Ирине Владимировне не запомнить в точности фамилию горничных. Чудо, что она вообще хоть что-то вспомнила об очередной претендентке на белый передник! Алиса – Алина, Ковалева – Копылова...

Хотя... ей кто-то звонил относительно новенькой девушки...

Рядом с паспортом в том же боковом отделении лежал обычный, туго набитый конверт. Отдав паспорт Людмиле, я вынула и его.

Конверт не был ни заклеен, ни надписан, я открыла его и достала два старых черно-белых снимка и сложенный листок письма. Одна из фотографий была общей: десятка полтора юнцов в нарядных рубашках и расклеванных брюках, девочки-подростки в парадной школьной форме и ленточках через плечо. «Последний школьный звонок», – догадалась я.

На второй фотографии из той же серии застыла пара улыбающихся подружек в белых фартуках. Высокая, коротко стриженная брюнетка с лисьей физиономией, приобнимая, склонилась к плечу худенькой девушки с пепельными кудряшками. Лисица улыбалась нагло и скалилась прямо в объектив, худышка улыбалась несколько растерянно, смотрела в сторону, в ней я сразу узнала хозяйку этого дома.

Развернутый листок письма догадку подтвердил.

«Здравствуй, Ирочка! – начиналось послание. – Выполняю обещание и высылаю тебе наши школьные фотографии...»

Письмо, выписанное убористым бисерным почерком, почти сплошь состояло из воспоминаний о «славных школьных временах». В нем были приветы и поклоны, рассказы об одноклассниках: кто где работает, кто женился, кто развелся. В первый момент наличие письма в конверте меня несколько удивило – кто в век Интернета и сотовых телефонов обменивается письмами?! – но позже я поняла: вряд ли госпожа Вяземская стала бы выслушивать все эти *новости* по телефону. Она стала слишком далека и деловита. Так что ее одноклассница поступила разумно и просто: сочинила послание и дала Вяземской право поступать по своему усмотрению – читать письмо в свободную минуту или забыть о нем и выбросить. Второе было маловероятно. Ностальгия по прошлому всегда догонит.

Впрочем, само послание меня интересовало мало. Меня интересовали только подпись – «Всегда твоя Жанна» – и постскриптом с благодарностью за участие в судьбе Алины Копыловой: «Сироты и чудной девушки».

Я положила письмо обратно в конверт, отведя от него недогнувшей рукой руку любопытной Людмилы, туда же спрятала фотографии и снова взялась за паспорт.

– Возможно, девушку начнут искать не скоро, – сказала я задумчиво.

– Почему? – Людмила слегка надулась из-за того, что я не дала ей сунуть нос в письмо.

– Алина сирота. Ни мама, ни папа не ждут от нее звонка с подтверждением – все в порядке, я на месте.

– А может быть, у нее куча бабушек и тетушек? – резонно заметила Мила.

– Дедушек и дядей, – медленно вторила я. – И сообщить им все же надо.

– Как?

– Не знаю. Но кажется, придется ехать в Клин.

– Скажи завтра хозяйке, узнай у нее телефон Жанны, пусть сама звонит, – фыркнула Люда. – Неужели тебе охота в Клин тащиться?

– А если мы ошиблись? – прищурилась я. – Если пропавшая Алина не погибла на остановке и я просто напугаю до полусмерти какую-нибудь старушку? Представь, заявляется некая девица к твоей бабушке и заявляет: «Ваша внучка погибла под колесами грузовика»...

– Да не обязательно пугать. Сообщим – Алина пропала, не появилась на работе, а рядом с домом кого-то сбили.

– Мы поступим проще, – заявила я. – Ты можешь у кого-нибудь узнать, как выглядела и была одета девушка, приехавшая наниматься на работу?

– Могу, – с готовностью кивнула Люда. – Позвоню Игорю, он в той смене работал, и спрошу.

– А ты знаешь точно, когда приехала и пропала Алина?

Мила подняла глаза к потолку.

– Так. Она приехала до того, как сменилась охрана у ворот. Значит, где-то в половине одиннадцатого, не позже.

«Теперь понятно, почему Саша, принесший в комнату сумку, не обнаружил подмены. Алина появилась у ворот при одной смене, меня привезли уже при другой...»

– Давай звони, – сказала я, и девушка, порывшись в памяти сотового телефона, вызвала приятеля-охранника:

– Привет, Игорек. Как дела?.. Хоккей смотришь? Ну, я быстренько. Ты видел сегодня новую горничную? Можешь ее описать?.. Да, да, эта. В серой шубке, говоришь? – уточнила Люда и, закусив губу, какое-то время слушала. – А что Шмаргун? Искал?.. А что сказал?.. Что?!.. Ах, гол забили... Поздравляю. Не с чем? Ну ладно, чао...

Люда сложила пополам мобильник, села поудобнее, подогнула под себя одну ногу и пустилась делиться добытыми сведениями:

– Пока все похоже. Алина была одета в серую шубку, Игорь в мехах не разбирается, но сказал – что-то кудрявенькое, вероятно, козлик. Она подошла к воротам, объяснила, что приехала устраиваться на работу, но ребята ее на территорию не пропустили. Ворона тогда на месте не было, она куда-то вместе со Шмаргуном моталась и никаких распоряжений насчет новой горничной не оставила. Ребята попросили девочку обождать, та спросила, где можно купить сигарет, оставила в каптерке сумку и потопала к ларьку на остановке...

– Где ее сбил грузовик, – закончила я. – Так получается?

– Так, – заинтересованно кивнула Люда. – Теперь все точно – девушка погибла, ты попала на ее место. Завтра обо всем расскажешь хозяйке.

«Нет в журналистике большей ошибки, чем использование непроверенных фактов, – учили меня в институте. – Хороший профессионал проверяет и перепроверяет любую информацию и никогда не торопится с выводами».

– Мы поступим по-другому, – не согласилась я. – Ты можешь принести сюда трубку городского телефона?

– Могу. А зачем?

– Хочу позвонить в справочную ГИБДД и узнать подробности об аварии в поселке. Вдруг у погибшей девушки были документы, имя ее уже установили и никакая она не Алина?

– Ее паспорт в сумке, – напонила Людмила.

– Документы бывают разными. А имя могли узнать по сотовому телефону. Вдруг в нем была строчка с пометкой «Бабушка» или «Тетья Лиза»? Так что тащи телефон, узнаем в милиции, сообщили они родственникам погибшей о происшествии или нет.

– Ой, ну ты прямо детектив! – в который раз похвалила меня Люда и, бодро шевеля крепенькими ножками в удобных серых тапочках, умчалась на хозяйскую половину за телефоном.

...Беседа с информационно-экстренными службами заняла довольно много времени. Я чуть мозоль на языке не заработала, пытаюсь узнать конкретный телефон, по которому могли хоть что-то сообщить о погибшей девушке.

Приходилось изворачиваться:

– Моя сестра не вернулась утром с работы.

Она была одета в серую шубку, а я слышала, что возле такого-то поселка произошло ДТП, есть жертвы...

Путем неумолимого вранья мне удалось добраться до оперативного дежурного нужной мне части и, невзирая на позднее время и отсутствие следователя, выезжавшего на происшествие, получить хоть какой-то определенный ответ.

– Личность девушки не установлена.

– Но у нее был сотовый телефон! – с надеждой и уверенностью, что у каждой современной девушки мобильник под рукой, восклицала я. – Посмотрите, пожалуйста, протокол! Может быть, это не моя сестра!

Дежурный тяжело вздохнул и исчез из эфира минут на пять.

– Сумка, принадлежавшая девушке в серой шубе, попала под колеса грузовика, – возникнув снова, сказал мужчина виновато. – Остались одни ошметки. Адрес морга судебно-медицинской экспертизы диктовать? Съездите, посмотрите...

– Диктуйте, – прошептала я горестно. Получалось, что без нашего вмешательства личность Алины устанавливали бы долго. При ней не оказалось ни документов, ни сотового телефона в рабочем состоянии – Джейн Доу, как говорят американцы. По-русски – потеряшка.

Пока я записывала координаты морга, Людмила, забравшись на кровать, во все глаза смотрела на меня, не скрывая уважения.

– Это вас так в журналистском институте учат? – спросила она с интересом.

– В смысле? – удивилась я.

– Ну... Все узнавать.

– Да нет. Это обычная практика. Зачем еще существуют телефоны. – И я мысленно добавила: «Как не для вранья». – Надо только уметь им правильно пользоваться, и все узнаешь без лишней беготни.

– И что ты теперь делать будешь? Пойдешь к хозяйке?

– Нет, сначала побываю в морге.

– Зачем?

Как объяснить наивной девушке, зачем мне это нужно? Для меня ситуация выглядит довольно просто, есть выбор: идти к Вяземской с извинениями или показать себя настоящим журналистом и повести беседу так: «Ирина Владимировна, произошло недоразумение. – И дальше: – Мне удалось установить... Я побывала в морге, и, увы, опасения подтвердились...» Настоящий, реальный журналист не станет лепетать «тут что-то не так, тут как-то непонятно», он предъявит факты. Побегает, установит – и покажет себя настоящим профессионалом. Это правило. Это реноме.

И времени настоящий журналист никогда не потратит даром. Оставив вопрос Людмилы без ответа, я взяла свой сотовый и набрала номер Бармалея:

– Привет, Василий. Как дела? Занят не очень?

– Для тебя не очень, – буркнул Вася, слегка обиженный резким окончанием недавнего разговора.

– Ты можешь в «Одноклассники» залезть? Мне тут одна информация нужна...

– Могу. Что тебя интересует?

– Меня интересует, в какой школе училась Ирина Владимировна Вяземская и была ли у нее одноклассница Жанна. Имя довольно редкое, надеюсь, трудностей не возникнет.

– Сделаем, – бодро отозвался Василий. – Вяземская персона популярная, о таких «одноклассники» вспоминать любят.

– Спасибо, жду звонка, – сказала я, выключила связь и посмотрела на полураскрытое окошко за целомудренными девичьими занавесочками в розовый цветочек.

В стекла лупил рядами мокрый снег. Огромные снежинки налипали на окна, собирались в кучки и медленно сползали с теплого стекла на карниз.

Я представила себе, как доезжаю до коммуналки троюродной сестры: ошпаренные метелью ноги напоминают оранжевые морковки, втиснутые в сапоги, бордовое лицо обветрено, губы фиолетовые... Картинка в сюрреалистических тонах.

Собираясь на свидание с Вяземской, я вовсе не предполагала, что придется мерзнуть в сугробах за городом. Каблочки, тонкие колготки и короткая шубка неплохо выглядят в

Москве, где из метро в офис, из офиса в метро. Но топтать по заметенным обочинам загородного шоссе... бррр, представить жутко.

Видимо, нечто уже замерзшее и почти заболевшее отразилось на моем лице, и Людмила жалобно проскулила:

– Алис, не ходи никуда, а? Оставайся. Куда ты в такую метель? Застудишься. Вороны нет, хозяйки нет, переночуешь, никто не узнает...

Я тебе свою пижаму дам. Чистенькую. Белье тоже свежее, для Алины приготовили...

В квартире моей троюродной сестры, помимо ее семьи – мужа и двоих детей, – проживали еще два соседа: матерый злющий алкоголик Валера и еще более злющая непьющая бабка Авдотья. Сказать, что после водворения по месту их законной прописки непонятной троюродной особы эта парочка устроила Маринке форменный скандал, значит сильно приукрасить действительность. Воюющая доселе парочка объединила усилия и устроила разборку с привлечением участкового – приличный молоденький старлей, надо сказать, чуть алкаша Валеру не забрал с собой, – но закончилось дело демонстративным плеванием на Маринкину половину газовой плиты и обещанием устроить «небо в алмазах» на всю ближайшую пятилетку.

Я теперь даже в туалет пробиралась тайком. Что уж говорить о законном желании помыться и отогреться с мороза в общественной ванной...

– ...А завтра Сашка тебя куда хочешь довезет.

Попросим хорошенько – и в морг свозит, и обратно доставит...

Уговаривать себя дальше я не позволила. Поблагодарила Люду за ночлег и пижаму и отправилась в душевую смывать косметику.

В комнате тихонько бормотал телевизор. Но мы его не слушали. Людмила, сидя по-турецки на кровати, рассказывала о своем житье-бытье:

– Нас в семье еще трое детей. Я младшая. Мама на фабрике работает, халаты шьет, папа там же охранником на пропускной... Меня сюда тетя Римма устроила, она в другой смене, горничной... Работа не пыльная, платят хорошо...

– Если не секрет – сколько? – сонно поинтересовалась я.

Людмила назвала сумму – в долларах, – и я чуть не подскочила до потолка:

– Сколько?!?!

Девушка снова, уже горделиво, назвала сумму.

– А ты что думаешь? – сказала с достоинством. – Я тут за копейки ломаюсь? Нет, дорогая, тут все по высшему разряду. Платят так, чтоб за место держались.

«И не воровали», – добавила я про себя, но Людмила предложила совсем другую причину:

– Вот ты думаешь, ко мне ваш брат журналист не подкатывал? Еще как подкатывал! Штуку баксов предлагали, чтобы я в прошлом году гостей на сотовый телефон засняла! Кто, да с кем приехал, да какие подарки...

– А ты?

– Послала, – усмехнулась Люда. – И еще Шмаргуну пожаловалась. Тот у всей прислуги аппараты с фотиками отобрал. Так-то вот. У нас абы кого с улицы не берут. Даже с рекомендациями. Только по знакомству, только если за тебя кто-то поручится. Вот Сашка. Он племянник Лиды Ивановны. Или Ленка. Она дальняя родственница нашего садовника, живут тут, в поселке, неподалеку... Все друг за друга отвечают, один на чем-то попадет, нагорит и тому, кто в дом привел. Сечешь?

– Угу. А девушка, которая раньше с тобой в одной смене работала? Марина, кажется... Она почему уволилась?

– Не знаю, – перейдя на шепот, проговорила Люда. – Вроде все нормально было, никакой новой работы она не искала. Точно. И вот однажды – фьють! – Мила махнула круглой ладошкой. – Пришла, вещички собрала, и на выход.

– Ее *попросили* на выход? Или она сама ушла?

– А я знаю? – искренне удивилась горничная. – Все было нормально. До вечера. Потом пришла, побросала вещи в сумку и: «Пока, Милка, я отчаливаю».

– Она была расстроена? Рассержена?

– Не-а. Даже улыбалась. Хотя... странно. У нее муж, детей двое, всех кормить надо... где она еще такую работу найдет? Образования-то ведь никакого. – Мила покачала головой. – Не понимаю. Маринка так за место держалась. – Потом вдруг ударила себя по согнутым ногам и, наклонившись вперед, проговорила с воодушевлением: – Слушай! А давай ты на ее место устроишься!! Ты ж безработная, да?! Работу ищешь!

– Ну... Я – журналистка. Безработная, – без всякого энтузиазма отметила я.

– Ой! Журналистка она, – фыркнула девушка. – Да в какой газете ты столько заработаешь?! Тут тебе – и соцпакет, и пища дармовая, и отпуск, и... четыре дня выходных! А работа – тьфу! Не надорвешься. Чисто, тепло, компания хорошая. Оставайся, а? А то пришлют на твое место какую-нибудь заразу вроде Верки, которая вместе с тетей Риммой работает... Наплачусь.

– Люд, а ты не забыла, что я не Алина Копылова, а Алиса Ковалева?

– И что с того? – снова фыркнула девушка. – Ты разве кого обманывала? Чужим именем называлась? Нет. Привезешь завтра Вороне трудовую книжку, отдашь – и все. Если заметит, значит, не выгорело. А не заметит – работай на здоровье! Или, – нахмурилась Людмила, – брезгуешь? Горничной работать стыдно?

Обида, явственно прозвучавшая в последнем вопросе, заставила усмехнуться. Я – брезгую? После того как несколько месяцев стряпала статьи про садоводство из Интернета?

Да я неделю назад с бесшабашной удалю стремилась в дворники! Обещала Бармалею заработать на кусок хлеба с маргарином мытьем полов и грязных тарелок!

– Нет, Мила, я не брезгую. Тут дело в другом. Меня приняли не за того человека...

– Подожди, – перебила Мила. – В том, что тебя приняли за другого человека, нет никакой твоей вины. Это хозяйка ошиблась. Принесешь завтра трудовую книжку и – молчи. Все само устаканится.

– А если Клементина Карловна меня о чем-то спросит?

– Ворона?! Да ей плевать, кто ты такая, раз хозяйка приказала на работу взять! Слово Владимировны – закон!

– Но настоящую горничную видели охранники у ворот.

– Ой! Да разглядывал ее кто! Серая шубка, голубая шапка. Никто и не вспомнит! А потом привыкнут. Охрана-то, кроме Сашки, почти в доме и не бывает. Это он все к тетке бегает...

Я откинулась на пушистую мягкую подушку – не удивлюсь, если внутри нее настоящий гусиный пух, – и посмотрела на потолок.

Два дня я не могла себя заставить взять из денег мебельной мамы даже цент. Эти деньги для меня воняли. Как взятка, как откупные, как Иудины сребреники. Я не искала новое жилье, ночевала на комковатом матрасе, разложенном на полу в крошечной комнатке Марины, и от бессилия и неловкости не могла заснуть. Да, я взяла конвертик с долларами. Да, я поддавалась. Уговорила совесть... Но так страдала! Что просто не могла заснуть... И мечтала поскорее вернуть долг. Доказать, что справлюсь без подачек...

И вот что-то произошло. Что? Чудо? Застывший в сугробах город решил подарить передышку влюбленной в него провинциалке? Дал шанс на выживание? Но...

– Людмила, а у вас тут прислуге жить разрешают?

– Где? В этих комнатах?

– Да.

– Конечно! – поняв, что я поддаюсь на уговоры, воскликнула девушка. – Племянница Шмаргуна из Белоруссии тут три года жила! Она на заочном училась, квартиру не снимала – деньги матери высылала – и жила в соседней комнате. Я ж говорю, не работа – блеск! И работа, и жилье, и кормят! Лида Ивановна никогда куски считать не будет! Тут сплошь нормальные люди, не жлобы какие-то!

Я опять откинулась на подушку, посмотрела в потолок и улыбнулась. Неужели нечаянно может сбыться мечта? Четыре дня я буду ходить по этому замку в мягких серых тапочках, сбивать пушистой щеткой пыль с книжных шкафов и статуэток, вечерами слушать великосветские сплетни в кухонном исполнении, а остальное время – писать. Запираться в уютной светлой горенке на четыре дня и – сочинять роман. Сюжет, кажется, у меня уже появился. Закрутившийся вокруг самой *писательницы* в сырой и снежный декабрьский день...

Так вполне бы могло быть. Если бы не одно но. Конверт с письмом и вложенными в него фотографиями, которые надо было отдать.

Непонятные люди

Высокий сутулый мужчина с нескладными ногами серой цапли откинул желтоватую простыню и поднял на меня глаза:

– Это ваша сестра?

Рот наполнился горьковатой слюной, я ее тягуче сглотнула и сказала правду:

– Нет. Это не моя сестра.

Алина Копылова, чье лицо я так хорошо изучила по фотографии в паспорте, не была моей сестрой. Мы даже не были знакомы. Широкие, как у пловчихи, белые плечи и матово-белое лицо покойницы не несли на себе следов аварии. Нельзя было сказать: «Алина как будто уснула», смерть уродлива и не к лицу человеку, но черты девушки не обезобразились. Словно она не успела понять, чем грозит выехавший на тротуар огромный автомобиль.

Он ударил ее в спину? Алина погибла мгновенно, не успев ощутить страха?

Сутулый длинноногий патологоанатом в зеленом хлопковом костюме задержал простыню-штору и протокольно буркнул:

– Вам плохо? Может быть, ватку с нашатырем?

– Нет, нет, спасибо, – проямлила я и, пошатываясь, побрела к выходу из приземистого одноэтажного здания на воздух.

Специфический запах – смерти или формалина? – тащился за мной следом, и, кажется, впервые в жизни я пожалела, что не научилась курить. Дымная вонь горящего в бумажной обертке табака была бы предпочтительней сладковатого аромата смерти...

Я вышла на крыльцо, прижалась спиной к деревянной балке, удерживающей навес, и долго, разглядывая плавные изгибы сугробов, дышала полной грудью, изгоняя дурноту и запах тлена.

На верблюжьих спинах сугробов играло солнце, метель к утру улеглась, все вокруг было свежим и праздничным. Совсем как в детстве. Новый год: подарки, елка, какой-нибудь коллега папы в одной и той же – из года в год – голубой шубе с пушистой оторочкой, пышной клокастой бородой и мешком «подарков». Стихи про елочку, Снегурочку или снежинки. Шоколадка от профкома и подарок, который я давно самостоятельно разыскала на антресолях...

Чудный праздник Новый год. Особенно если сугробы на улице свежие и мусор припорошен...

Воспоминания детства помогли избавиться от наваждения: белое лицо под шторой-простыней. Я достала из кармана шубки сотовый телефон и нашла номер Люды.

– Аллю, – сказала тихо и бухнула без подготовки: – Это Алина.

– Точно? – просвистела моя новая подруга.

– Абсолютно.

– Тогда езжай в Клин. Я тебя прикрою.

Сегодня утром в Непонятный Дом пришло известие – хозяйка и Клементина задерживаются. Ночная метель широким фронтом ушла на запад и запорошила половину Европы. Самолет из Германии, на котором летел сын Вяземской, сел в Санкт-Петербурге, и Ирина Владимировна с Вороной остались в городе дожидаться его возвращения. Людмила, воодушевленная моим согласием работать, буквально насильно надела на меня свои трикотажные брюки (ремень пришлось утянуть в пояс на два размера) и черные кроссовки с парой шерстяных носков.

– Тебе все равно сюда возвращаться, – убеждая не артачиться, приговаривала она. – Зачем таскаться по снежной каше на шпильках? Одевайся теплее и дуй! До их приезда сто раз обернешься.

Ехать в Клин я решила утром, после того как узнала о задержке Вяземской. Сидеть в чужом доме и дожидаться непонятно чего было довольно мучительно – многие не очень приятные мысли лезли в голову, я попросила Сашу довезти меня до улицы, где расположен морг судебно-медицинской экспертизы, и позже, если все подтвердится, собралась в Клин.

Зачем?

Первую причину я уже назвала. Чтобы не сидеть без дела и не изводить себя мыслями. Вторая причина была производственного характера. Судьба незнакомой девушки, ее гибель поразили меня нелепостью. Я захотела узнать об Алине больше и... чем черт не шутит?.. Газетный читатель любит подборки статей с названиями вроде «Смерть на пороге новой жизни». Реальные трагедии всегда вызывают нездоровый интерес у публики, это аксиома.

Так почему не попробовать? Не поехать в Клин, не узнать о жизни девушки, оборвавшейся так внезапно и страшно? Алина сирота, в ее судьбе уже случались трагедии, не исключено, что история ее жизни заинтересует читателя.

Съездить в подмосковный город и разузнать подробности лучше, чем сидеть взаперти и размышлять о своих скорбных делах. Под лежащий камень, как известно, вода не течет.

Забирать с собой сумку с Алиными вещами я, разумеется, не стала. Взяла только паспорт. Родные девушки приедут забирать тело из морга, и сумку я привезу туда. Так будет лучше, чем являться к чужому порогу с баулом мертвой в руках...

Я отлепилась от деревянной балки крыльца и, по щиколотку завязая в снежной крупе на еще не убранных тротуарах, потащила к автобусной остановке и дальше к метро. Хорошая погода немного уравновешивала мрачное настроение, кроссовки Людмилы оказались удобными и нескользкими, я благополучно добралась до Ленинградского вокзала и успела на тверскую электричку, проезжающую Клин.

Народу в вагоне было немного, я села на полностью свободное сиденье и, безразлично покусывая теплый чебурек, уставилась в окно. Миссия, которую я добровольно взвалила на свои слабые девичьи плечи, уже не казалась легкой. Трусливые мыслишки начали одолевать. Я не была прожженной журналисткой и не испытывала мазохистского удовольствия от предстоящей встречи с родственниками Алины. Вдалеке от дома, в который я везла печальную весть, все представлялось простым и разумным – прийти, сказать, узнать побольше об Алине и откланяться.

Сейчас я думала об одном: «Боже, сделай так, чтобы дверь в квартиру Алины мне не открыла седенькая бабушка! С добрыми морщинками, слабым сердцем и подслеповатыми выцветшими глазами, видевшими столько горя! Дай, Боже, встретить в том доме крепкую уверенную тетку далеко не преклонных лет...»

А встречаться с учительницей Жанной не очень хотелось. Ее письмо оставило неприятный осадок. Я чутко отношусь к эпистолярному жанру, к способу подачи мысли и порядку слов. Послание бывшей одноклассницы показалось мне неискренним, заискивающим.

И фотография с двумя девушками. Растерянное лицо Вяземской и склонившаяся к ее плечу узкая лисья мордочка Жанны... Она мне тоже не понравилась. Я сама еще недавно была заводилой-отличницей и прекрасно знала, откуда берутся эти лисы... Они берутся из троек на выпускных экзаменах, из интриг, обеспечивающих место рядом с готовой подсказать отличницей, из шпор и списанных задач. «Ты мне поможешь, а, Алиса? Я эту алгебру ни в зуб ногой...»

И я почему-то не могла отказать. Бармалею моя помощь требовалась только на сочинениях – в точных науках он любому фору давал, – я выручала половину класса и однажды (стыдно вспомнить!) совершила форменный подлог. Наш одноклассник Витя Савельев шел на медаль, вопрос о ней решался на годовой контрольной по физике – пять или четыре. Пан или пропал.

И Витька таки пропал. Подошел ко мне на перемене после контрольной и, бледнея на глазах, шепнул:

– Алис, я, кажется, того... Запорол контрольную.

– Как? – быстро спросила я.

– Забыл единицу перед шестеркой в ответе поставить. У всех в ответе шестнадцать, у меня – шесть.

– Уверен? – обеспокоилась я.

– Ага, – кивнул Витька. – Почти.

У Савельева была потрясающая зрительная память. Я поверила сразу.

– Сходи в учительскую к батъке, посмотри...

Вдруг она стоит, единица эта...

Вот так я совершила единственное в своей жизни преступление. Прокралась в учительскую, нашла Витькину контрольную на папином столе и переправила в ответе «шесть» на «шестнадцать».

– Была там единица, – выйдя из учительской в коридор, обрадовала одноклассника. — Все у тебя правильно.

– Была?!?! – опешил Витька и через месяц получил серебряную медаль.

Не знаю, какой доброй отличницей была когда-то Вяземская, но фотография с двумя девушками определенно напомнила мне школьные годы...

На перроне клинского вокзала я подошла к пожилой женщине с тяжелой сумкой возле ног и, сверившись с адресом, продиктованным вчера Бармалеем, спросила, как доехать до такой-то улицы.

– А вам лучше пешком пройти, – снимая варежку и поправляя выбившиеся из-под вязаной шапки волосы, ответила женщина. – Здесь недалеко.

Помогая себе обеими руками, она объяснила мне все про перекрестки и повороты, привязалась по местности по аптеке и магазинам, добавила:

– Не запутаетесь, – и наклонилась к сумке.

Я вышла на чисто подметенную вокзальную площадь, прошла ее насквозь и свернула в переулок, в котором дворники еще только счищали с тротуаров снег. После сумасшедшей московской толчеи Клин казался безлюдной деревней, гулять было приятно. Два адреса – школы и дома, – продиктованные мне вчера Бармалеем, находились на одной, судя по нумерации домов, длинной улице. Выйдя на прямую, я поняла, что первым мне встретится жилище Жанны Константиновны Троепольской. И хотя первоначально я собиралась навеститься в школу по месту ее работы, не заглянуть к ней домой было бы глупо. Жанна Константиновна могла работать во вторую смену и сейчас находиться у себя. Прежде чем идти к родственникам Алины, я хотела получить поддержку от женщины, направившей девушку к Вяземской...

Дом с пятном черной копоти, облизавшей угол третьего этажа, я вычислила сразу. Нумерация не была перепутана, невысокие сталинские домики стояли, соблюдая строгую очередность, без всяких дробей и корпусов.

Чисто убранный, типично провинциальный дворик с горкой, грибком над заснеженной песочницей и старушками у скамейки, радовал глаз белизной сугробов и огорчал чисто провинциальной расхлябанностью: над подъездами не висели таблички с перечнем квартир, хотя кодовые замки присутствовали повсеместно.

Покрутив головой в бессмысленной попытке вычислить, где находится восьмая квартира, я подошла к двум старушкам в пуховых платках и строгой тетушке в потертом каракулевом манто, придерживающей вертялого ребенка в ярком комбинезоне. Малыш рвался разрушать лопаткой убранные сугробы, бабушка (судя по возрасту) цепко держала его за капюшон.

– Добрый день, – воспитанно обратилась я. – Не подскажете, в каком подъезде находится восьмая квартира? – Про код дверного замка я собиралась спросить позже, уже расположив к себе компанию.

Пенсионерки как-то неловко переглянулись, одна из бабушек потеряла пушистой варежкой нос и, глядя на меня искоса, спросила:

– А зачем тебе восьмая квартира?

– Я ищу Троепольскую Жанну Константиновну.

Бабульки снова переглянулись. Слово взяла женщина в каракуле с проплешинами на рукавах и карманах:

– А кто вы Жанне? Ученица?

– Нет, – удивляясь подобной въедливости, сказала я. – Я по делу. Так где восьмая квартира?

Ребенок, заметив, что бабушка отвлеклась, дернулся к сугробу и чуть не влетел в него носом вперед, потому что бабушка разжала руку и достала из кармана носовой платок.

– Квартира-то там, – несколько заторможенно отозвалась женщина. – Только нет ее... ни квартиры, ни Жанны...

– Как это – нет? – поразила я, и две старушки, горестно вздохнув, дружно повернули головы к закопченному углу дома. – Вы хотите сказать... – пролепетала я.

– Сгорела твоя Жанна, – кивнула женщина. – Третий день сегодня уже... А ты ей кто?

Словно бы в ответ на поставленный вопрос, я помотала головой. Заснеженный двор, три женщины, ребенок, барахтающийся в глыбах убранного снега, показались вдруг нереальными.

Мотая головой, я прогоняла наваждение. Второе известие о смерти за неполные сутки не вписывалось в *мой* сценарий. Я сочиняла сказку о будущей принцессе Золушке, а не кровавый триллер.

– Ты сядь, сядь, вон лавочка метеная, – добросердечно говорила старушка и оглаживала меня серой варежкой. – Ты кто ей, Жанне-то? Родственница или знакомая...

– Никто, – слепо глядя на доброе лицо с пятнами старческой гречки, бормотала я. – Просто... поговорить... надо... было... А давно это случилось?

– Два дня назад, – повторила каракулевая дама. – Сегодня третий.

– Ночью полыхнуло, – добавила одна из старушек. – Вся комната дотла сгорела. Пожарные два этажа затопили...

Не в силах вынести подробности – да и к чему они теперь? – я попрощалась с соседками Жанны Константиновны Троепольской и, обогнув дом, не глядя на черные лизуны копоты, пошла дальше по улице. Везя в этот город печальную весть, я никак не ожидала получить подобное известие сама. Перед глазами вновь возникло белое лицо на жестяном столе морга, к горлу подкатила тошнота, дабы хоть немного отвлечься, я набрала на мобильнике номер сотового телефона Людмилы.

– Алло. Это я. Троепольская погибла.

– Какой ужас! – прошептала Мила. – А Троепольская – это кто?

Прежде чем идти к дому Алины, я свернула в кафе и заказала эклер и кофе. Села у окна с видом на чистенький Клин, откусила пирожное и не почувствовала сладости. Нежный крем будто отдавал карболкой. Но надо было есть. Чтобы передвигать ноги дальше по улице, нужно было дать подпитку мозгам, заикленным на одной мысли – невероятно! Учительница и ученица погибают друг за другом! Одна в огне, другая под колесами грузовика...

Что творится в лучшем из миров?! Откуда взяться положительному тону в демографии?!

Кругом один кошмар.

Дом, в котором жила Алина, оказался точной копией жилища Троепольской. Те же убранные сугробы вокруг, похожие старушки у скамеек, ребенок-школьник съезжает с горки... Не было только обожженного угла дома и выбитых прокопченных окон.

И слава богу.

Уже не надеясь ни на что позитивное, я подошла к первому подъезду и с радостью обнаружила отступление от прежнего сценария: над порогом висела табличка «кв. 1 – 10», в двери зияла дыра от выдранного кодового замка.

Нужная мне квартира под номером три скрывалась за дверью с драным бордовым дерматином и клоками пожелтевшей ваты, торчавшими из дыр. Я посетовала на неухоженность жилища и храбро нажала на кнопку звонка.

Раз, другой. Звонок бездействовал.

Похлопав по двери ладошкой, приложила ухо к косяку, прислушалась – тишина была, следуя лексике кровавого триллера, гробовая.

Я постучала кулаком и услышала, как над головой, на площадке второго этажа, хлопнула дверь, побрякали ключи-замки, и вниз спустилась полная молодая женщина с мусорным пакетом в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.